

СТРАСТИ ПО АДЕЛИ

ТАТЬЯНА
ТРОНИНА

Дарери Ева

Дочери Евы

Татьяна Тренина
Страсти по Адели

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тренина Т. М.

Страсти по Адели / Т. М. Тренина — «Эксмо», 2017 — (Дочери Евы)

ISBN 978-5-04-004426-9

Алиса и Роман не сгорали от страсти друг к другу и даже не испытывали особой симпатии. Ей было тоскливо после отъезда сына, а он — закоренелый холостяк — испугался старости и болезней. И так они решили, что брак по расчету — не столь уж плохая идея. Только вот другу и коллеге Алисы по врачебному цеху, психиатру Анатолию, такая затея совсем не понравилась. И несмотря на то что подруга детства неожиданно похорошела и стала расцветать на глазах, Анатолий решил ей «помочь», причем весьма своеобразным способом... Не оттого ли, что и сам был все это время влюблен в Алису, или проблема гораздо глубже?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004426-9

© Тренина Т. М., 2017
© Эксмо, 2017

Татьяна Михайловна Тренина

Страсти по Адели

© Тренина Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

– «...Вы представьте – встретились два одиноких человека, уже не первой молодости, серьезные и основательные, он и она, и решили жить вместе. Сели друг напротив друга и начали договариваться по каждому пункту, буквально так: «Ты делаешь в семье это, а я – то... А финансы мы распределим следующим образом... Если же кто из нас заболеет вдруг, то поступать будем так-то и так-то...» Словом, обсудили они заранее, эти двое, возможные перипетии их совместного быта и стали жить вместе. Без любви, но по уму. Не сгорая от страсти, но уважая друг друга. Не друзьями, но партнерами. Партнерами по выживанию. По доживанию – того, что им отмерено еще судьбою. Спокойные отношения без романтики и иллюзий, прохладные, но зато надежные – разве хуже они горячки страстей? Ведь зрелость, а затем идущую за ней старость надо встречать во всеоружии, готовыми ко всему».

Роман читал этот текст с монтажного листа и внутренне морщился. Бред какой-то. И сам фильм – тоска зеленая. На экране – бесконечная зимняя дорога, тянущаяся мимо заснеженных деревьев с нависшим над ними серым небом. Мелькают деревья, тянутся облака. Голос Романа, накладывающийся на картинку, тоже звучит как-то устало и заунывно. Кто это смотреть согласится, какой зритель?

Роман озвучивал документальный фильм о некоем ученом, давно ушедшем из жизни, еще в начале двадцатого века. Данный отрывок был взят из дневников этого почтенного товарища. Вот нудный и бестолковый мужик, даром что светило и академик.

Ну какой еще брак по уму, по договоренностям, для выживания-доживания в сорок четыре-то года?! (Собственно, столько недавно исполнилось и Роману.) В семьдесят задуматься о том, что хорошо бы иметь надежного человека рядом, – это нормально, но в сорок...

Хотя, если вспомнить, раньше все было по-другому. «В комнату вошел старик тридцати лет...» Кто из классиков так сказал, Пушкин о Карамзине, кажется?

Нынче же тридцать – это вообще юность. А сорок и даже сорок с хвостиком – молодость. В сорок современный мужчина полон сил и энергии и завидным женихом считается. Да что там... И в семьдесят, и в восемьдесят люди женятся, не опасаясь насмешек окружающих. И потом, зачем обязательно искать пару, вступать в брак, если так боишься старости и немощи? Не проще ли сиделку найти, домашнюю помощницу? Дешевле обойдется, чем жену содержать. Бред, бред! Ученый, а дурак, этот товарищ из прошлого.

Роман остановил запись, отвернул микрофон в сторону, стянул с головы наушники и откинулся в кресле назад.

Обычно он, профессионал с многолетним стажем, никак не реагировал на те тексты, что ему приходилось озвучивать. Платили достойные деньги за его, Романа Катаева, голос, и хорошо.

Вот и в этот раз, соглашаясь на сотрудничество с известным режиссером-документалистом, Роман никак не ожидал подвоха. Был уверен, что, как обычно, уложится минута в минуту – высший пилотаж для диктора, актера озвучания. К примеру, фильм идет тридцать минут, а он, Роман Катаев, озвучит его за тридцать пять. Это же не художественное кино, где все сложнее и тоньше.

Но в этот раз почему-то все пошло не по плану...

Роман, продолжая злиться на героя фильма, от чьего лица читал текст, невольно вспомнил Иду, с которой расстался летом, где-то полгода назад. Иду-Аделаиду, адскую Иду, Иду из ада... Вот женщина-огонь! Что, интересно, она сказала бы, если б Роман предложил ей брак по расчету, для выживания в старости?

Она расхохоталась бы. Связвила бы: «Ты что, Катаев, рехнулся? Предлагаешь мне за тобой горшки на старости лет выносить?»

Ида – дама пик, фамм фаталь, Кармен наших дней. Собственно, потому Роман с ней и расстался после пяти лет отношений – у него уже крыша стала ехать от этих страстей, и у нее, кстати, тоже. Скандалы и истерики, ревность и ненависть с обеих сторон. Невыносимо. Поначалу Роману нравился пылкий характер его возлюбленной, но потом он понял, что не в силах его выносить, что невозможно каждый день есть один только жгучий перец.

Так вот, а что, если представить Иду старушкой-подружкой? Нет, тоже невозможно. И потом она моложе, ей сейчас сколько? Тридцать три, кажется. И не замужем. Раньше, при царе, старой девой считалась бы, сейчас вон алкоголь в супермаркете без паспорта, поди, не продадут – личико свеженькое, без единой морщинки.

«Да и к чему нужна сиделка, жена?» – поморщился Роман. Ведь в случае чего он может позвонить сестре, Наталье. Она всегда поддержит. Племянник – Виталька – у нее на подхвате...

У Романа были очень теплые отношения со старшей сестрой и ее сыном. Наталья преподавала в одном из лучших московских экономических вузов. Без мужа родила сына, для себя. Очень самодостаточная, умная, рассудительная женщина. Виталька, правда, тот еще раздолбай, но, опять же, нынче парню быть раздолбаем в двадцать один год – это нормально. Виталий считал своего дядю Романа почти отцом.

Так что для чего еще эти договоренности с левыми тетками, тут сестра и родной племянник на себя все заботы о нем возьмут. Да и зачем Роману нужна чья-то помощь, он же здоровый мужик, никогда ни на что не жаловался, вот с этого и надо начинать... А до старости и вовсе далеко.

Роман потер затекшую от долгого сидения шею, зевнул. Посчитал мысленно до десяти и успокоился.

Затем вновь приступил к озвучке.

Когда закончил – вздохнул от облегчения.

В комнате было тихо. Не просто тихо – стояла невесомая, прозрачная, абсолютная тишина. Она давила на уши.

Эту комнату в своей квартире Роман переоборудовал под студию звукозаписи, чтобы ни один шорох извне не мешал. Установил специальное оборудование, дорогое и профессиональное. Ремонт потребовал больших денег, зато теперь Роман не зависел ни от кого, был сам себе хозяином. Напрямую договаривался с клиентами, с теми, кто нуждался в озвучке, и занимался ею, не выходя из дома. Никаких посредников, не надо мотаться по городу, арендовать у кого-то специальное помещение... Нет, конечно, какие-то виды работ требовали того, чтобы Роман занимался дубляжом в студии заказчика, но, в сущности, он как профессионал теперь мог свободно распоряжаться своим временем.

Помимо звукоизоляции в студии Романа была установлена и вентиляция, но сейчас появилось не только давящее ощущение в ушах – отчего-то стало душно... Навалилось нечто неприятное, напоминающее приступ клаустрофобии. А если он в этой комнате потеряет сознание, сколько ему придется пролежать тут? Если даже и пошевелиться будет не в силах? И ведь не докричишься... Никто не услышит. Сестра позвонит, как всегда, в выходные, а Виталька – только если ему деньги понадобятся. Ну и с праздниками если поздравить. Новый год через месяц с небольшим. М-да, вот тогда племянник и объявится. А заказчик... Ну, заказчик тоже не сразу начнет Романа искать, только когда срок сдачи работы приблизится.

Роману стало совсем не по себе. Он быстро встал из кресла, на миг даже показалось, что голова закружилась. Но у него никогда раньше не кружилась голова, разумеется, кроме тех случаев, когда принимал на грудь лишнее. Да и прошли те времена, когда он позволял себе много пить.

«Блин... этот фильм дурацкий. И время года самое поганое! Надо прямо сегодня ехать к этому режиссеру, отдать ему готовый материал и больше никогда с этим типом не связываться».

В гостиную Роман подошел к окну. Еще не вечер, но густые фиолетовые сумерки уже окутывали город. Голые деревья, черный асфальт. И что это там переливается в свете фонарей, что за морось? Похоже на мокрый снег. Первый снег... А что, пора, уже начало ноября.

Набрал номер на мобильном телефоне:

– Алло, Александр Андреевич? Добрый день. Катаев, да. Где-то через час, наверное, буду. Да, готово все, пораньше освободился. Думаю, чего тянуть. Спасибо. До встречи!

Своего авто у Романа не было. Зачем? Каждый день на работу ему отправляться не надо, дачи нет. Вернее, дачу (свою половину семейного гнезда) он отдал сестре; всякие гипермаркеты, где московская публика затаривалась продуктами, Роман терпеть не мог. Проще еду по Интернету на дом заказать. Если еще вспомнить о сложностях парковки в городе, оплате ее и куче денег, выброшенных на техобслуживание машины, бензин и штрафы... А нервы – когда наблюдаешь дураков на дороге, в опасной близости от себя? А ругань с соседями – чье место у дома занял? Слишком много неприятных нюансов получается. Роман во всем – в работе, в быту – пытался оптимизировать все свои действия, избегал ненужных финансовых потерь. Старался затрачивать меньше душевных и физических сил...

Так что по городу Роман ездил в основном на такси. Вот и сейчас хотел его заказать... Но, проверив в Интернете, есть ли пробки на дорогах, обнаружил, что на его маршруте сплошные заторы.

Тогда уж лучше на метро.

Оделся быстро – накинул пальто, кепку, горло бережно укутал шарфом, под мышку сунул портфель и вышел из дома.

В лицо Романа мало кто знал. Или, вернее, так – в лицо его знали лишь те, кто интересовался компьютерными играми, которые он озвучивал. Или вот еще другие, кто смотрел научно-технические, познавательные передачи – там он, случалось, иногда мелькал на экране, хотя в основном являлся тем самым «голосом за кадром»... Поэтому на улице, в транспорте люди проходили мимо Романа. А вот по голосу его узнавали многие.

На улице холодный ветер бросил в лицо порцию липкой мороси. Роман поморщился, прикрывая щеки воротником пальто: «Можно было и с курьером договориться... Хотя нет, сегодня предстоит личная беседа».

Роман спустился в метро. До часа пик было еще далеко, однако показалось, что народу многовато. «Все же лучше бы на такси!» – опять с досадой подумал он, втискиваясь в вагон, набитый людьми.

На одной из центральных станций вышел, чтобы сделать пересадку. Жарко, душно! И как-то нехорошо. Внезапно возникла боль где-то в груди слева. Где сердце.

Сердце у Романа никогда не болело.

Он сел на лавочку, достал мобильный, набрал номер сестры. Абонент недоступен... Наталья, наверное, в институте. Когда она читает лекции, то всегда выключает свой телефон. Ни написать ей, ни позвонить – никак. Номера деканата, как назло, в записной книжке не было. Так бы кто сбегал за ней из деканата в аудиторию... Роман набрал номер Виталика. Гудки, долгие гудки без ответа. Этот паршивец отвечал только тогда, когда ему удобно было.

Ивану, другу, позвонить? Да, пожалуй. Но стыдно. Не мужик он, что ли?

Роман сидел, скорчившись, с телефоном в руке. Мимо сновали люди, проезжали поезда. Может, сейчас лучше станет?

Но лучше не становилось. Наоборот, сознание стало затуманиваться, боль в груди усилилась. Это было жуткое, неприятное ощущение. И дольше медлить было нельзя – в какой-то момент ощутил Роман.

– Помогите... Помогите! – прохрипел он, держась за сердце. Кто-то кинулся к нему, какая-то женщина предложила таблетку нитроглицерина.

– Да «Скорую», «Скорую» вызывайте уже... Дежурная! Тут человеку плохо! – нетерпеливо закричал кто-то рядом. И это было последнее, что Роман слышал, потому что в следующую секунду он потерял сознание.

Очнулся только в «Скорой». Машину слегка потряхивало на поворотах.

– Лежите, мужчина, лежите, вам нельзя двигаться! – строго прикрикнула фельдшер в синей спецодежде.

– Мне позвонить...

– Не двигайтесь!

Романа отвезли в кардиологию.

Провели общее обследование, взяли анализы. Опросили, осмотрели. Еще раз сняли электрокардиограмму.

Врачи серьезные. Строгие. Все делали аккуратно, но как-то быстро, решительно, не слушая его протестов и просьб, словно Роман уже не имел воли, не владел собой, был маленьким ребенком. Оно и понятно – кардиология, тут не покапризничаешь, тут промедление смерти подобно...

И да – мысленно Роман уже распрощался с жизнью. А что, в этом возрасте мужчины часто уходят в небытие, причем происходит это внезапно, без каких-либо предпосылок.

И теперь в этом холодном свете ламп, что освещали пространство палаты интенсивной терапии, фильм, который Роман озвучивал утром, показался ему неким пророчеством. Ну а что, молодость и здоровье действительно не вечны!

Слаб и самонадеян человек, думая, что владеет своей судьбой. А она берет да и щелкает его вдруг по носу в один «прекрасный» день, напоминая, кто в этой жизни хозяин...

Когда к кровати подошел лечащий врач – серьезный мужчина с бумагами в руках – и заговорил деловым тоном, Роман обмер и обмяк, понимая, что сейчас ему произнесут приговор.

– Так, Роман Петрович? Что у нас тут... Электрокардиограмма никаких патологических изменений в сердечном ритме не зафиксировала. Аритмии нет, экстрасистолия в норме. Гипоксии миокарда не обнаружено... – Кардиолог говорил и говорил, а Роман не понимал смысла сказанного.

– Доктор, что со мной? Сколько мне еще осталось? – с отчаянием спросил он, ожидая, что сейчас услышит в ответ нечто страшное. Например, «Будем честны. Вам, Роман Петрович, осталось совсем немного». Или: «Вам нужна пересадка сердца, но операция еще ничего не гарантирует».

Но доктор вдруг улыбнулся:

– Господи, да я ж вам толкую, что сердце у вас в порядке, Роман Петрович!

– Да? А что же тогда...

– Скорее всего дал о себе знать позвоночник. Шейный остеохондроз, наверное, но это уже не наша епархия. Работа у вас сидячая?

– Да...

– При шейном остеохондрозе нарушается иннервация тканей в плечевом поясе. Рецепторы этих областей не получают достаточное количество импульсов и влияют на центры иннервации сердца. Центральная нервная система воспринимает такие импульсы как болевые, и воз-

никает кардиалгия. – Врач посмотрел в лицо Роману и затем добавил уже другим голосом: – Короче, сосуд пережало в шее, а показалось, что это сердце болит.

– Но я потерял сознание...

– Это нормально. Артерия в позвоночном отделе сдавлена, кровообращение ухудшается, организм пытается устранить проблему, кровоток усиливается за счет повышения артериального давления – вот вам и потеря сознания.

– Так я здоров, что ли? – с изумлением спросил Роман.

– Ну, здоровьем это тоже назвать трудно... будете наблюдаться у невролога по месту жительства. Думаю, вам рекомендован массаж и занятия ЛФК, то есть лечебной физкультурой... Хотя мы вас не сразу выпишем, понаблюдаем еще, с холтером походите... А так – прогноз благоприятный. Не наш вы пациент, Роман Петрович.

– Так это не сердце?! – наконец осознал Роман. Появилось ощущение, будто его буквально за секунду до гибели кто-то вытолкнул на обочину из-под колес мчащегося поезда.

– Да. Извините... Больно голос у вас знакомый, никак не могу вспомнить. Мы знакомы? – вдруг улыбнулся доктор.

– Нет, мы не встречались, – устало махнул рукой Роман. Он не всегда любил признаваться в том, что его голосом озвучены не только многие передачи и фильмы, а еще герои компьютерных игр, он часто звучит в рекламе. Лишнее внимание, ненужные разговоры. Зачем?..

Через пару дней Романа выписали домой.

Ни сестра с племянником, ни друзья так и не узнали, что он был в больнице. И заказчик тоже не перезвонил, когда Роман не приехал. Впрочем, Роман, выйдя из медучреждения, все же успел сдать работу вовремя, в оговоренные сроки.

Невролог в районной поликлинике действительно обнаружила у Романа шейный остеохондроз и назначила массаж и лечебную физкультуру. Советовала еще найти хорошего мануального терапевта. Сказала, что остеохондроз только начал развиваться, раз нет сильных болей в спине, и что все поправимо, если заниматься собой...

– Я вам сейчас направление дам в поликлинику восстановительного лечения, это не так далеко. Там очень хорошая база, и все специалисты в наличии.

В общем и целом Роман чувствовал себя нормально. К этому моменту он уже осознал, что его проблемы со здоровьем, конечно, не пустяковые, но, во всяком случае, и не смертельные. Разумеется, надо было подлечиться, начать соблюдать режим, следить за питанием...

Дело в другом. Вот только что он, казалось, умирал, а тут – бах – и жив. И есть еще шанс прожить долго и счастливо. А ведь он совсем не задумывался раньше о своем здоровье, о том, сколь скоротечна может быть жизнь...

Выходит, тот ученый, чей монолог озвучивал Роман, был прав? Нужен, нужен человек рядом, с которым не страшно, который может стать опорой в тяжелые минуты.

Нужна жена!

Именно жена. Да, есть друзья, родные, которые помогут в случае чего, спасут, найдут способы решения проблемы и прочее... Но друзья не могут стать, гм... няньками. Они не могут постоянно находиться рядом. И Наталья нянькой тоже не будет. У нее работа, сын, ученики.

До сиделки Роману еще очень рано, а вот жена... С ней спокойнее. Когда рядом живой человек, уже не страшно участь остаться забытым всеми, лежащим на полу без движения... Жизнь ведь такая непредсказуемая, и возраст такой опасный... А вдруг случится еще один приступ?!

Роман встретился с Иваном, своим лучшим другом, честно рассказал о сложившейся ситуации – что на днях попал в больницу и теперь задумался о женитьбе всерьез.

Встречались они в кафе.

Роман заказал себе свежевыжатый сок и салат из зелени – для сосудов полезно. Перед Иваном, каскадером и спортсменом, стояли пиво и мясной стейк.

– Чего не позвонил? – мрачно спросил Иван после короткой речи Романа. – Блин, у меня столько докторов знакомых, сразу бы тебя на ноги поставили.

– Так не получилось. Я аки беспомощный младенец там был, в больнице. Без одежды, без телефона, шевелиться и то не разрешали. И что твои знакомые... Меня и без того хорошо обследовали.

– Ты хреню, брат, страдаешь. Сосуд пережало... Я тебе давно говорил – надо спортом заниматься! Сидишь вечно, скрючившись, перед своим микрофоном... Плавание, лыжи. Ну ты на себя посмотри – бледный как призрак. Из дома, поди, раз в месяц выходишь.

– Дело не в этом. Я говорю, жениться хочу. Что думаешь?

– На ком?

– Не знаю! – разозлился Роман. – Я тебя и спрашиваю – на ком? Думал об Иде, но ты ведь помнишь ее – она быстрее всякой болезни уморит.

– А тебе обязательно жениться? – нахмурился друг.

– Ну а как иначе? На каких еще условиях нормальная женщина согласится со мной жить? За просто так? Найти приезжую, сделать ей временную прописку, поселить у себя, и пусть благодарна мне будет? Нет-нет, я хочу нормального человека, с которым мне не противно будет существовать рядом.

– Это в тебе еще страх говорит. Пройдет время, и ты успокоишься, и не нужна тебе будет никакая жена...

– Ты не понимаешь. Я это прямо чувствую, мне необходим человек рядом. Живая, хорошая женщина.

– Так это самое сложное. У меня подобных ангелов на примете нет, – вздохнул Иван. – И насчет Иды, пожалуй, ты прав – не вздумай с ней связываться опять.

На другой день к Роману домой приехала Наталья. Старшая сестра, обычно ироничная, спокойная женщина, выглядела растерянной.

– Ромочка, что же ты мне ничего не сказал, мальчик мой... Почему ты не позвонил мне из больницы?

– А чем бы ты мне помогла?

– Ах, не говори ерунды! Хочешь, я у тебя поживу пока?

Роман задумался. Предложение выглядело очень заманчивым. Но, с другой стороны, а как тогда Виталька? Пусть он и совершеннолетний уже парень, но Наталья не раз признавалась, что без присмотра он может натворить дел. Если поселить у себя сестру, то придется оставить здесь и племянника. Но Виталик не станет вести себя примерно. Друзья, громкая музыка, беспорядок; разговоры и споры с юным нигилистом...

– Нет, Наташ, не надо. Не надо ко мне переезжать. Я с тобой посоветоваться намерен. Ты знаешь, я ведь старый холостяк. Но... Вот, видно, пришел и мой час... Хочу жениться.

Роман обрисовал ситуацию, сестра слушала его с бесстрастным лицом. Наташа напонила тех моделей, что позировали в старых, еще советских времен журналах моды из Германии. Ах, нет, из ГДР даже... У Натальи была несколько массивная фигура, аккуратная короткая стрижка, осветленные волосы, широкое, ничем не запоминающееся лицо. Глаза прятались за стеклами очков в золотой оправе. Женщина без возраста, по внешности которой нельзя определить ни ее настроение, ни ее мысли, ни то, счастлива ли она... Приветливая, но абсолютно закрытая дама.

Меньше всего Роман хотел, чтобы его будущая избранница была похожа на сестру.

– На ком жениться? У тебя кто-то есть? – все с тем же бесстрастным выражением лица спросила Наталья.

– Нет пока.

– Так ты это из страха хочешь сделать! Какие же вы, мужчины, неженки. Чуть в бокую кольнуло – уже думаете помирать. Послушай, ты от женитьбы больше потеряешь – и здоровья, и всего... Не сходи с ума, Рома. Брак – это серьезно. Это обязательства. Ты хочешь сюда кого-то привести?

Роман вдруг подумал, что его женитьба будет невыгодна в первую очередь именно сестре. Пока брат холост – она единственная его наследница. Она и Виталька. И все накопления Романа (не олигарх он, но накопления приличные, чего уж, экономил и не кутил, много пахал), и эта квартира в центре Москвы тоже... Все достанется жене, если Роман все-таки уйдет из жизни.

Наталья никогда не отличалась корыстью, но... Она уже не так молода, да и зарплата преподавателя, пусть и известного вуза, невелика. Да, она еще пишет статьи в финансовые журналы, берет учеников, ведет какую-то научную работу, – но все это не самые большие деньги. А уж какое разорение ей от Витальки...

– Я напишу завещание на тебя, – серьезно произнес Роман. – Все мои накопления достанутся вам с Виталием. И квартирный вопрос тоже продумаю, чтобы вас, опять же, не обделить.

– Это хорошо. Не в том смысле, что я зарюсь на твои богатства... – усмехнулась сестра. – Просто это нормальное желание – обезопасить себя от предприимчивых хищниц. Но, с другой стороны, какая тогда выгода жениться на тебе? Из большой любви?

– Ой, перестань... – В первый раз за последние дни неожиданно рассмеялся Роман. – Какая любовь? Но ты права. В самом деле, чем тогда должен привлекать женщину брак со мной? А что, если так: все наследство – тебе, сестричка, но жену свою я обещаю содержать, пока она со мной живет. Еда, одежда, коммунальные услуги, походы в кафе, прочие расходы – все на мне. К ее финансам, ее собственности я не собираюсь иметь отношения. И ей, получается, при таком раскладе спокойнее! Разумный, взвешенный союз двух людей... Господи, ну да, точно! Вот он что имел в виду.

– Кто – «он»?

– А, неважно. Один тип. Слушай, а ты не можешь порекомендовать кого-нибудь на роль моей невесты?

– Могу, – кивнула сестра. – Полно незамужних, одиноких подруг. Да, еще вопрос. Ты как... относишься к детям? Ты хочешь детей? Потому что, если у тебя появятся отпрыски, это, сам понимаешь, получится совсем другая история.

– Я не хочу детей! – испугался Роман. – И чтобы у моей жены были дети от предыдущих браков – тоже не хочу... – Он замолчал. Потом добавил нехотя: – Ну ладно, если только уже взрослые и живут отдельно. Значит, молоденькая мне не нужна. Да! И еще я желал бы, чтобы моя жена была красивой. Я же эстет тот еще, ты знаешь... Так что круг сужается.

– Это уже сложнее... Хотя выбор все равно большой, – подумав, заключила сестра и обещала в ближайшее время устроить ему свидания со своими приятельницами.

Фотографии подруг Наталья сначала показала Роману в социальной сети. Большинство претенденток он отбраковал. Ну это же ужас, серьезно... Либо дамы, либо тетки. Ни тот, ни другой типаж Роман терпеть не мог. Он хотел видеть возле себя женщину, пусть и не юную, пусть и не совершенную в чем-то, но именно Женщину. С которой хочется лечь в одну постель, на которую приятно смотреть и которая не раздражает...

С несколькими претендентками, которые показались ему более-менее симпатичными, Роман встретился лично. Сидели в кафе, болтали, приглядывались друг к другу. И опять все не то. Одна особа, пришедшая на свидание, оказалась откровенно глупой. Буквально – курица какая-то, даже поговорить не о чем. И взгляд у нее остолбенелый, бессмысленный.

Другая внешне выглядела ничего, и умна вроде, но зато звуки, которые она издавала... Такой неприятный, резкий, шамкающий голос. Старушечий. На десятой минуте общения захотелось выключить звук. Не то, словом.

Третья – стриженная, в очках, тощая, с торчащими ключицами и глубокими носогубными складками – большая умница, да и еще с чувством юмора, ему вроде бы понравилась. Ну просто потому, что с ней интересно. Однако, выпив немного вина, собеседница вдруг превратилась в плаксу, и из нее полезли какие-то комплексы, обиды, жалобы, тоска, страдания... И вот как с такой жить? Она ж навечно раненная и обиженная, отдувайся потом до конца жизни за всех тех, кто ее когда-то задел и унизил! Ну ее тоже.

После этих неудач Роман опять вспомнил об Иде. А что, если она изменилась? Конечно, полгода, следовавшие после расставания с ней, – не срок для кардинальных внутренних перемен, но кто знает... Возможно, Ида одумалась. Пересмотрела многое в отношениях с Романом. И потом, вполне вероятно, уже успела сравнить его с кем-то... Такие женщины, как Ида, долго в одиночестве не остаются. Наверняка у нее после Романа были другие поклонники. И она (как и он сейчас, после всех этих неудачных свиданий) вдруг осознала, что лучше Романа ей никого не найти? А если нашла? Ладно, нашла так нашла, но все равно надо позвонить Иде, встретиться с ней.

Они расстались в ссоре, после очередного скандала. Из-за чего спорили? А уже не вспомнить даже... Набрал ее номер:

– Алло. Узнала?

– Ой. Катаев, ты? Чего надо? Соскучился? – захохотала Ида.

– Представь себе. Вот, решил узнать, как ты поживаешь.

– А ты заходи, посмотришь...

– Когда?

– Да хоть сейчас! – опять рассмеялась бывшая возлюбленная.

При всех своих недостатках и скверном характере Ида обладала одним несомненным достоинством – она являлась настоящей Женщиной. В ней не было ничего чопорного, дамского. И ничего суетливого, приземленного, «теткинского» в ней тоже не было...

Роман купил вина, готовых закусок и поехал к бывшей возлюбленной.

Ида открыла дверь – она стояла в коротких шортиках, босиком, сверху накинула полупрозрачную шелковую рубашку. Темные длинные волосы были убраны назад в небрежный хвост, вдоль щек висели кольца кудрей. Вид задорный и соблазнительный.

Роман, когда увидел Иду, сразу почувствовал желание.

– Катаев, скотина... вспомнил! – Она чмокнула его в щеку. – Проходи.

– Как ты поживаешь?

– Ой, ну как... Вчера вечером мать вот уехала, пилила меня почему зря. Я такая, я сякая, жизнь профукала, несерьезная... Да, с той работы я уволилась, новую еще не нашла, представляешь? Нет, я пыталась устроиться в одну фирму, но тамошний начальник как начал меня за сиськи щипать...

– А я его понимаю... Тебя нельзя не ущипнуть, – засмеялся Роман. – Штопор где?

– Ты же знаешь где. Или забы-ыл? – приблизив лицо, игриво спросила Ида.

Роман открыл бутылку, разлил вино по бокалам. Чокнулись. Роман отпил только глоток, отставил бокал.

Ида теперь жадно ела, прямо руками, выхватывая с лотков ломтики нарезанной семги. Затем принялась за сыр.

– Налей еще. Уф. При матери совсем не пила. Она же старая ханжа. И курить мне не давала.

– И правильно делала.

– И ты туда же! Иди-ка сюда, иди... – Ида потянула Романа к себе, принялась быстро, дрожащими руками расстегивать ему ремень.

И тут Роман вспомнил, почему они расстались. Ида – прорва. Жадная прорва. Ей всего мало – еды, секса, денег, любви, слов, обещаний, солнца, счастья, покоя... Да, она искренна в

своих желаниях, но несдержанна, точно первобытный человек. Туземка из дебрей Амазонки, не знающая о цивилизации.

– Ида... Погоди.

– Нет, не хочу! – Она выхватила у него из рук квадратик блестящей фольги, отшвырнула в сторону. – Быстрее!

Села прямо на стол – бутылка полетела на пол, бокалы тоже.

– Давай. Давай-давай. А-а... А-а! – закричала она во весь голос. С одной стороны, это ужасно заводило Романа. С другой стороны, надоело. У Иды всегда было состояние, называемое словом «приспичило». Во всех областях жизни. У этой девушки не существовало ни режима, ни распорядка – ничего, ни в еде, ни в сексе, ни в чем другом. Все спонтанно и внезапно. И всегда с жадностью и дикими криками.

Вот и сейчас она орала, точно безумная, вцепившись в полы расстегнутой рубашки Романа.

Интересно, почему она вела себя подобным образом – неужели испытывала наиострейшие ощущения или у нее просто такая манера поведения в эти моменты? Это живая реакция или привычный спектакль?

– Куда... Стой! Нет, нет... А-а-а! – не отпуская своего любовника, Ида забилась в конвульсиях, и Роман – вынужденно – синхронно с ней.

Он отстранился чуть погодя, опустошенный и почему-то несчастный.

– Фух... Ой, а вино-то... – Ида провела ладонью по лицу, засмеялась.

– Ты не права.

– В смысле? А, ты об этом. – Она кивнула на квадратик фольги, валявшийся на полу. – Ну перестань, иначе бы я ничего не почувствовала.

– Ты это себе внушила. Послушай, нехорошо вот так, – настойчиво повторил Роман.

– Господи, Катаев, какой ты скучный! – с раздражением воскликнула Ида. Затем вскочила и быстро принялась убираться – сгребла шваброй осколки и неиспользованный презерватив в совок, затем вытерла с пола лужу вина. – Вспомни, мы же никогда этой фигней не пользовались, и обходилось. Да, а ты вообще зачем приходил?

Роман не ответил. Ушел в ванную, там привел себя в порядок. Мельком взглянул на полочки – никакого присутствия мужчины в доме не наблюдалось. Хотя это еще ни о чем не говорит. Возможно, Ида ездит к кому-то в гости... Да и вообще, какая разница! – с раздражением одернул он себя.

– Катаев... Ты чего такой загадочный? – позвала Ида.

Роман вышел из ванной, посмотрел на девушку. Она нервничала, явно чего-то ожидая.

А он не мог ей ничего сказать. И дать ей он тоже ничего не мог. Одна холодная пустота в сердце.

Он зря сюда приходил, зря все это делал. Ида – не та, с кем Роман согласился бы жить. Он устал от нее. Испытывал теперь пресыщение, отвращение, почти ненависть. Хотя, если подумать, Ида тут ни при чем, в этом бесполезном визите нужно винить только себя.

– Ты меня любишь? Ты скучал по мне? У тебя кто-то есть? – Ида подошла, обняла его. Роман ничего не ощутил, когда она прижималась к нему. Чужая, совершенно чужая.

– Все не так. Я не должен был... – Он отвел ее руки от себя. – А разве ты этого не чувствуешь?

– Что я должна чувствовать, Катаев?

– Прости. Прости и забудь. Все, все, я сам дурак, сам виноват.

– Ты куда? Уходишь? Вот так вот? Слушай, да ты просто скотина...

– А разве ты нет?! – оглянувшись, взорвался он. – Тоже ведь как животное себя ведешь.

– Ненавижу тебя! – дрожа от бешенства, закричала Ида. – Убирайся! Чтобы я больше тебя никогда не видела! Вон!

Роман схватил свое пальто с вешалки, шагнул на лестничную клетку и вздрогнул – за его спиной с грохотом закрылась дверь.

Спускаясь в лифте, он анализировал свои ощущения. В области сердца вроде не колет и с шеей тоже все в порядке... Может, напрасно он паникует из-за здоровья? Ну, прихватило разок, но ведь это еще ничего не значит...

На улице было темно, хлопьями падал снег. Падал и не таял на асфальте.

Уже конец ноября, скоро этот год закончится. Нет, надо кого-то найти, обязательно. Стоит заранее подумать о своем будущем...

До середины декабря Роман ходил на занятия лечебной физкультурой. Поначалу, когда в первый раз оказался в огромном кабинете, невольно опешил: не кабинет, а самый настоящий спортивный зал!

На полу – специальное ковровое покрытие. Большая шведская стенка. Повсюду обручи, палки, мячи, какие-то загадочные аппараты, как потом выяснилось, для массажа, разработки позвоночника, суставов голеностопа, предплечья...

«Докторша, специалист по ЛФК, – совершенно невзрачная особа, – отметил про себя Роман, – и внешне похожа на серую мышь, и голос у нее тусклый, лишенный интонаций». Хотя, наверное, оно и хорошо, что он совсем не реагировал на нее как на женщину. Да что там, как на человека вообще! Иначе ему было бы неудобно. А так – врач, просто врач. Не живое существо, а некая ходячая функция.

Докторша по фамилии Мусатова вертела Романом как хотела, в том плане что и так нагибала, и смя разгибала, и ложиться на кушетку заставляла, и руки-ноги выкручивала. И живот зачем-то шупала, и рукой прямо чуть не кишки вытягивала.

– У меня ведь ничего не болело, – в одно из первых занятий пожаловался Мусатовой Роман. – Обычно многие жалуются – спина ноет, шея болит, а у меня – ничего...

– О формировании у себя некоторых недугов некоторые пациенты не подозревают много лет, – прошелестела Мусатова. – Но такое положение сохраняется лишь до определенного момента. И да, при запущенном остеохондрозе, когда заболевание переходит в хроническую стадию, боль действительно сильная.

– Значит, у меня еще не запущенный случай? – с надеждой спросил Роман.

– Нет. Головокружения, потемнение в глазах бывает?

– В общем... Вроде нет.

– Шум в ушах, напряжение шейных мышц в утренние часы?

– В утренние? Не замечал. Но, правда, шея иногда какая-то скованная, напряженная! – с тревогой воскликнул Роман.

– Не надо уходить в болезнь, не надо концентрироваться на симптомах. Все поправимо, все у нас под контролем, – мягко произнесла Мусатова. – Разучим гимнастику, освоим специальные дыхательные упражнения... Фастфудом злоупотребляете?

– Что? А, бывает. Часто. Гамбургеры, пицца на дом.

– Исключить, – непререкаемым тоном произнесла Мусатова. – Нечего засорять сосуды. Только здоровая, домашняя пища. Так, посмотрим на меня... Медленно, с максимальной амплитудой, выполняем повороты головы вправо-влево...

– Голова вроде закружилась, – где-то в середине занятия пропыхтел Роман. – Ой! – с ужасом воскликнул он.

– Да что же вы так паникуете, мужчина! – рассмеялась докторша. Заглянула в карту: – Роман Петрович, да? Если страшно упасть – делайте эти упражнения сидя на стуле, спину только не забывайте держать прямо. Вестибулярные нарушения со временем корректируются, и лечебная физкультура не доставит неприятных ощущений. Да, вот еще что важно. Сон на хорошей ортопедической подушке, на ортопедическом матрасе, не забывайте о контрастном душе и о постоянных прогулках на свежем воздухе. Очень рекомендую плавание.

– О, я раньше плаванием занимался! – обрадовался Роман. – Потом чего-то забросил. А вы, доктор, наверное, спортсменка, любите плавать? – Зачем он это спросил, Роман сам не знал. Просто почувствовал, что доктор сейчас – близкий человек, буквально его спаситель. Не чужой... Вернее, не чужая она в эти минуты, Мусатова...

Но докторша отреагировала странно. Нахмурилась, ничего не ответила.

Наверное, она была хорошим специалистом. Назначения делала только изучив все анализы Романа, результаты его КТ и МРТ. Она обладала и навыками мануальной терапии, и массажа, и много еще чего знала, судя по всему. Вся стена над ее столом была завешана дипломами. И когда она все это успела освоить, ведь не старая еще?

Однажды Роман услышал, как она строго разговаривает с каким-то парнем в коридоре. Парень опирался на палку, а Мусатова выговаривала: «Не смей привыкать! Выбрось ты этот посох. Не выбросишь, так и будешь с ним всю жизнь ходить. Вот же лентяй какой!» Со всеми старушками, что ходили к ней, она беседовала с той же настойчивой интонацией, не уставая толковать одно и то же...

Занятия с Мусатовой пошли Роману на пользу. Он успокоился, и шея его не беспокоила совсем. Исчезли напряжение и тяжесть в спине. «Словом, зря нашу медицину ругают, – подумал он, – есть же замечательные специалисты!»

– Мне голос ваш знакомым кажется, – как-то отметила Мусатова. – Как будто мы встречались...

– Все мне так говорят, Алиса Николаевна. – К этому моменту Роман уже хорошенько запомнил имя своего лечащего врача. – Я же актер дубляжа. Занимаюсь озвучкой фильмов, передач. Вот помните рекламу чипсов? – Он своим «фирменным» голосом произнес заученную фразу из рекламного ролика. – Это моя работа.

С Мусатовой ему хотелось быть максимально откровенным, он ощущал к этой женщине приязнь.

– Ах да! – поразились докторша и широко раскрыла серые глаза, на миг даже показавшись совсем юной девушкой. – Точно! Так это вы?!

* * *

– Тук-тук! У тебя сейчас никого? – В кабинет к Алисе заглянул Анатолий. Анатолий Карташов – известный психотерапевт, гипнотизер, любимец женщин, мечтающих похудеть, он же гордость и слава поликлиники восстановительного лечения, а также бывший одноклассник, однокурсник, а ныне – коллега Алисы. Ее старый приятель, с годами ставший для нее почти братом...

– Следующий прием только через полчаса, – улыбнулась Алиса.

– Идем в столовку, чаю попьем. Мне такие пироженьки подарили – закачаешься. Из какого-то невероятно крутого ресторана.

– Это все тебя твои пациентки балуют? Как же они думают похудеть, если у них есть доступ к таким лакомствам?

– И не говори!

Алиса заперла кабинет, и они с Анатолием прошли в столовую – небольшую комнатку на первом этаже поликлиники. Сейчас там никого не было.

Анатолий приготовил чай, поставил на стол коробку с пирожными, которые и в самом деле выглядели заманчиво. «Рыжику бы парочку отнесла, он любит...» – подумала Алиса, но тут же себя одернула – не вспоминать чуть что о сыне. Сын, Максим, Макс, он же Рыжик, уже полгода жил с отцом – бывшим мужем Алисы – в другом городе.

– Ты представляешь, у меня сейчас один известный человек лечится, – сказала Алиса. – Который озвучиванием занимается. То-то мне его голос знакомым показался. И такой прият-

ный голос, правда. – Она произнесла вслух фразу из рекламного ролика про чипсы. – Но я не об этом... Бывает, иногда сначала слышишь голос, а потом видишь человека, и так странно... Словно ты его иначе представлял. Я думала, это какой-то необыкновенный красавец-мачо, с кубиками на животе, а это обычный мужчина, совсем не спортивный.

– Я ревную! – обиженно воскликнул Анатолий. – Красавец-мачо – это я!

Он скинул халат, оказался в майке с короткими рукавами и принялся демонстрировать свои бицепсы. Мускулатура у Анатолия Карташова и в самом деле была отменная – хоть анатомию по ней изу-чай. Если вспомнить, раньше Анатолий выглядел совсем иначе. Чахлый, низенький, тощенький заморыш. Его все дразнили в школе. Потом, позже, уже во время учебы в институте Анатолий пусть и не сильно вытянулся, зато стал обладателем настоящей борцовской фигуры.

– Перестань... – засмеялась Алиса.

– Хочешь, я тебя загипнотизирую? – дурачился ее друг. – Внушу тебе необыкновенную любовь к себе? Сразу забудешь всех этих актеришек!

– Толик!

– Ну что ты все смеешься... Вот скажи честно – ты ведь не веришь в гипноз? – Анатолий посерьезнел, сел напротив Алисы.

– Верю.

– Ну вот, опять эта скептическая мордочка...

– Толик, давай не будем. Это твоя работа, дело твоей жизни, я не имею права...

– Ты не веришь!

– Верю, – сердито произнесла Алиса. – Я о другом. Гипноз – это такая темная материя, еще не изученная... Это область таинственного. Я боюсь его. Для меня гипноз – это нечто мистическое, это магия. И, что хуже всего, воля человека при этом не учитывается, можно внушить что угодно.

– Это потому, что ты трусиха. Не решаешься мне довериться, – пробурчал Анатолий, отхлебнул чаю. – Вообще загипнотизировать можно любого психически здорового человека, однако степень гипнабельности, то есть внушаемости, у всех разная. Около тридцати процентов людей хорошо поддаются гипнозу и быстро впадают в транс, сорок процентов – менее внушаемые, а оставшиеся тридцать процентов могут быть введены в гипнотический транс только опытным гипнотизером. Вот ты – как раз из последних. Но я, именно я, смог бы тебе помочь.

– Мне не надо помогать.

– Я же вижу, какая ты грустная...

– Толик, ты бы смог заставить любого человека сделать все что угодно? – Она постаралась немного перевести тему.

– Нет, конечно. В состоянии гипнотического транса сознательный контроль своих действий у человека ослабляется, конечно, но не отключается полностью. Поэтому даже под гипнозом человек не сделает того, что противоречит его моральным нормам. Если убийство он считает невозможным для себя, то даже под гипнозом скорее всего не станет кого-то убивать.

– Но ты серьезно – про то, что можно внушить любовь? – с любопытством спросила Алиса.

Анатолий вздохнул. Затем с иронией произнес:

– Ну и кому нужна такая любовь, внушенная? Это же... фикция!

Они помолчали. Алиса допила чай, вымыла чашки. Оставшиеся пирожные поставила в холодильник. У Анатолия зазвонил телефон.

– Алло? Да. Да, бегу. – Он нажал на кнопку отбоя, затем чмокнул Алису в висок: – Ну все, побежал. Не грусти, душенька моя.

Анатолий вышел из столовой, а следом за ним Алиса. Остановилась и посмотрела вслед уходящему Анатолию – невысокий, но крепкий. Мощный плечевой пояс. И каблуки... Навер-

ное, делает обувь на заказ. Кстати, и размер ноги у него маленький, почти женский. Тридцать восьмой, кажется? Маленькие крепкие руки, маленькие ступни. Круглая голова на короткой шее, волосы черные, пострижены ежиком. Никакого влечения Анатолий у Алисы никогда не вызывал, да и она у него, судя по всему, тоже. Хотя нет, в последнем классе, на выпускном, он, помнится, пытался ее поцеловать, но, наверное, это из-за того, что выпил шампанского. Алиса тогда его оттолкнула – фу, противно, Карташов! Больше об этом случае они не вспоминали, хотя сама судьба, словно нарочно, всегда сводила их вместе...

Но у Анатолия, судя по всему, было много женщин. Очень много. Пусть он и не стал идеальным красавцем, но как-то сумел выровнять свою внешность... И мускулы у него теперь имелись, и обаяние, и грозная сила гипнотизера, слава почти волшебника, что ли... Здесь, в поликлинике, он умело освобождал людей от различных зависимостей. В основном помогал женщинам справиться с тягой к еде.

Поэтому за ним всегда бегали толпы поклонниц, готовых на все по его первому зову.

В два часа дня Алиса закончила прием пациентов и отправилась домой. По дороге зашла в магазин, купила фруктов, овощей, курицу. Потом спохватилась – ну куда столько на одного человека, пропадет ведь!

Раньше, когда рядом был Рыжик, Алиса готовила много и охотно, ей нравилось баловать своего мальчика вкусными блюдами. А вот для себя теперь ничего не хочется.

Вообще с годами Алиса словно разлюбила лакомства, ей хватало совершенно простых, незатейливых продуктов. Творог на завтрак, куриная грудка с листиком салата – на ужин. Летом хотелось свежей клубники и грунтовых помидоров... На работе во время обеденного перерыва Алиса, бывало, съедала баночку детского питания. Или яблоко, банан, грушу. Ну а что с судочками бегать? А коллеги удивлялись – как, разве этого достаточно? Анатолий все рвался ее подкормить, вот, как сегодня, пирожными... Наверное, астеничная Алиса на фоне его пациенток, страдающих лишним весом, смотрелась даже комично. «Да я еще успею растолстеть, Толик! – шутила Алиса. – Вот нагрянет климакс, разыграются гормоны – и начну сметать все подряд, придется к тебе за помощью бежать!» – «Перестань ерунду городить! – злился тот. – До климакса тебе еще далеко. Сколько тебе? Тридцать восемь! Да ты еще девчонка по нынешним временам».

Алиса зашла в пустую квартиру, переделась в домашнее, разобрала покупки.

Она заглянула в комнату сына, села на его кровать. Провела рукой по мягкому покрывалу. Затем приблизилась к столу, принялась перебирать тетрадки Рыжика, лежавшие стопкой. Конспекты сына за последний класс.

Затем Алиса зачем-то поправила шторы и отметила про себя, что за окнами еще светло, несмотря на то что в конце декабря темнеет рано.

– Рыжик. Рыжик мой... – не выдержав тишины, произнесла вслух Алиса, словно зовя сына. И вдруг разрыдалась, горько и тяжело.

Она жалела о том, что сама отправила Максима к его отцу, в Питер. Рыжик мог учиться и здесь, в Москве, ведь в столице полно хороших вузов. И они были бы вместе, мама и сын. И тогда Алиса после работы торопилась бы домой – приготовить что-нибудь вкусненькое и не стояла бы эта звенящая тишина в квартире, да и вообще...

Алиса жалела о том, что сын уехал, но, с другой стороны, понимала, что Рыжика *пора* отпустить. Она – безумная мамаша, которая способна задушить сына своей заботой и любовью. Не буквально, нет, поскольку Алиса в отличие от многих авторитарных мамаш не позволяла себе командовать сыном, не навязывала ему свое мнение, не запрещала ничего... Но зато Рыжик чувствовал страх и беспокойство Алисы за него, словно он был хрустальной драгоценностью. Рыжик всегда жил с тягостным чувством: «мама будет беспокоиться».

Поэтому сына надо было отпустить. К счастью, в этот момент появился Игорь, бывший муж, который позвал Макса к себе. И Алиса с радостью отправила сына в другой город. Не только с намерением перерезать невидимую пуповину, но еще и потому, что рядом с домом, где жил Игорь, буквально через дорогу находился хороший вуз с той специализацией, к которой тянулся Рыжик. К тому же вместе с Игорем проживала и бывшая свекровь, Эмма Станиславовна. Дама со специфическим характером, но, безусловно, обожающая своего внука. Она обещала Алисе, что будет заботиться о Рыжике дома...

Первое время после того, как сын уехал, Алиса не переживала сильно. В конце этого лета был ремонт в поликлинике, из одного кабинета приходилось переезжать в другой...

В сентябре, после сезона дач и отпусков, повалили пациенты, также не оставлявшие времени для тоски, а вот в декабре Алиса наконец осознала масштаб перемен. Отныне она одна и всегда будет одна. Даже если Рыжик через пять лет решит вернуться к матери, ей стоит помнить, что он уже взрослый, самостоятельный человек. Макс будет пропадать на работе, у него появится личная жизнь, возможно, он женится, родятся дети... И это хорошо, это правильно!

Новый год, как узнала Алиса, сын собирался справлять в компании однокурсников. А еще у сына зимой должна была начаться первая в его студенческой жизни сессия...

«Мама, хочешь, я приеду на Новый год? Тридцать первого вечером приеду, а первого – уеду? У меня есть два свободных дня!» – вдруг спросил Рыжик, когда говорил с Алисой по скайпу. Сказал он это после того, как сообщил о своих планах, и, вероятно, что-то такое заметил в выражении лица матери.

«Нет, Рыженький, не надо. Если я не умею жить одна, без тебя, то это мои проблемы, не твои. Я еще молодая, дееспособная и адекватная женщина... И пока не нуждаюсь в опеке своего ребенка, рано. Я постараюсь справиться. Найду, с кем Новый год встретить, тебе не надо ради меня менять свои планы, перестраивать свою жизнь. Да я уже научилась жить одна... А теперь ты научись жить, не думая о том, что маме грустно, мама будет беспокоиться». Сын улыбнулся, вздохнул с облегчением. Кажется, он именно эти слова ожидал услышать от матери.

Но чем ближе был Новый год, тем тяжелее становилось на душе у Алисы. Похоже, впервые она встретит новогоднюю ночь одна.

Подруги, вернее, приятельницы у Алисы имелись, но все они были замужними дамами с маленькими детьми. Так получилось, что Алиса вышла замуж и родила ребенка раньше других своих сверстниц. А те не спешили, то ли следуя моде, то ли дожидаясь своих принцев... И дождались, и родили – но уже после тридцати, а то и тридцати пяти.

Сейчас Алиса была свободна, зато приятельницы – полностью поглощены своими заботами. Навязываться к ним, в чужие семьи, на новогоднюю ночь? Да ни за что.

«Вообще глупо так переживать из-за какого-то праздника, – вытерла слезы с лица Алиса. – Но у меня проблемы, надо признать! Может, кошку завести или собаку?» Но заводить животное дома, точно игрушку, для развлечения, не хотелось.

Замуж? А что, было бы здорово найти себе мужа, такого же одинокого мужчину, как и она сама. Эта мысль – а отчего бы не заняться своей личной жизнью? – почему-то не приходила ей раньше в голову.

«Нет, ничего не получится, – тут же осекла себя Алиса. – Кому я нужна со своими проблемами, с тараканами в голове? Я – слишком сомнительное «счастье» для обычного, нормального мужчины!» Да и где искать жениха? В Сети? Зарегистрироваться на сайте знакомств... Да это все равно что ловить рыбу в мутной воде. Найти подходящую кандидатуру среди коллег? Но в поликлинике у них работают в основном женщины, а те мужчины, что есть, женаты. Лишь Карташов свободен, но Толик, судя по всему, связывать себя узами брака не собирается, да и думать о нем Алиса могла только как о друге, не иначе.

Искать мужа среди пациентов? Фи, не этично. К тому же надо честно признать: мужчины не видели в Алисе женщину. Лишь врача. Конечно, бывало, что после лечения ее пытались

завалить подарками, комплиментами, но это потому, что находились в некоей эйфории после своего выздоровления. Забудут о своих болезнях – забудут и о ней, докторе Мусатовой. Ведь она скоро станет напоминать им о не самом легком периоде их жизни...

Кстати, о пациентах. А ведь правда, она представляла того мужчину, диктора, каким-то неземным красавцем. Этого Катаева. Слышала иногда его голос в передачах, за кадром, и восхищалась глубоким, проникновенным тембром. А на вид он оказался обычным дядечкой за сорок. Встретила бы его на улице – и не посмотрела бы... Нет, не урод, вполне стандартная внешность – что фигура, что лицо. Возможно даже, что кому-то Катаев покажется интересным мужчиной. Но его голос обещал гораздо больше!

* * *

На последнем занятии Мусатова была в маске – по городу гуляла эпидемия гриппа.

– Ну что ж, Роман Петрович, судя по всему, нам удалось добиться положительной динамики! – осматривая Романа и заставляя его то нагнуться, то повернуться, заметила врач.

– Да, все прекрасно, тьфу-тьфу-тьфу... – бодро согласился Роман и слегка поежился от прикосновения ее твердых, холодных пальцев к коже.

– Все, одевайтесь. Советую вам продолжать занятия физкультурой и дома. Здоровье, это ведь такая вещь... его надо поддерживать постоянно. Делайте упражнения в хорошо проветриваемом помещении, в удобной одежде из натуральных тканей. Коврик специальный себе обязательно купите. Да, и контролируйте пульс! Если при выполнении упражнений вдруг возникнут сбои в работе сердца, занятия немедленно прекращаем, сразу обращаемся к врачу.

Вблизи от Мусатовой ничем не пахло. Эта женщина казалась стерильной. Ни аромата духов, ни отдаленного намека на какой-либо лосьон... Хотя нет, от рук докторши едва слышно веяло мылом. И хорошим мылом, недешевым. Приятным.

– Да, Роман Петрович, если вдруг, не дай бог, конечно, простудитесь, то сделайте перерыв в гимнастике. При гриппе и ОРЗ – никаких занятий, дождитесь полного выздоровления. Ну, всего вам хорошего.

– Спасибо за все, Алиса Николаевна! – попрощался Роман.

Внизу у гардеробной вдруг подумал: «Конечно, сейчас новые времена, новые порядки, только вот врачу всегда приятно, когда пациент искренне благодарит его за помощь».

Стоя с номерком в руке, Роман спросил гардеробщицу – немолодую даму с интеллигентным, вдохновенным лицом:

– Простите... Можно посоветоваться?

– Да-да? – живо отозвалась та.

Роман оглянулся – никого вокруг. Спросил уже уверенно:

– А что Алиса Николаевна Мусатова, какой у нее вкус? Что предпочитает? Алкоголь вроде как не принято дамам дарить, конфеты... ну, не знаю. По-моему, доктора уже завалены этими конфетами...

– У нас не приняты подношения! Хотя, если какую-нибудь мелочь, знак внимания... – задумалась гардеробщица. – А подарите доктору цветы. Тем более что Алиса Николаевна одинокая у нас, цветы ей только в день рождения да на Восьмое марта от коллектива дарят.

– Хорошо! Спасибо за совет... Я тогда сбегая за цветами и вернусь.

– Пожалуйста-пожалуйста! – просияла гардеробщица. – Между прочим, у нас самая лучшая поликлиника в городе среди других поликлиник восстановительного лечения, и доктора самые лучшие!

Роман быстро купил букет, вернулся, кивнул гардеробщице как своей, бросил на стойку пальто и помчался с букетом вверх по лестнице.

Из кабинета Мусатовой вышел очередной пациент, Роман заглянул в приоткрытую дверь:

– Алиса Николаевна, я на секунду... Спасибо вам огромное! – Он поднес докторше цветы. Белые розы, двадцать одна штука.

– Ух ты... Спасибо! – Кажется, Мусатова улыбнулась, но под маской не особо было видно.

Роман попытался вспомнить лицо женщины и не смог. «Одинокая, – вспомнил он. Вдруг в голове у него что-то щелкнуло. – Она одинокая? А может...»

– Алиса Николаевна, еще немного времени хочу у вас отнять. Как вы смотрите на то, чтобы сходить со мной в какое-нибудь кафе? – выпалил Роман, сам еще не понимая до конца, что же такое он затевает сейчас. Докторша и пациент? Но, с другой стороны, лечение-то он уже закончил, имеет право...

– Зачем? Нет-нет, мне вполне букета хватит! – вежливо ответила Мусатова.

– Я не в этом смысле. Я на свидание вас приглашаю.

– С кем? – ошеломленно спросила Мусатова.

– Со мной.

Зависла пауза.

Докторша смотрела на Романа круглыми неподвижными глазами ярко-серого цвета, в освещении ламп чуть отдающими в голубизну. Пожалуй, ее глаза можно было назвать красивыми.

– Шутите? – шевеля губами под маской, сухо спросила она.

– Нет. Я с серьезными намерениями. В перспективе хочу жениться.

– На мне?!

– Не знаю. Может быть. Для этого нужно сначала встретиться... где-нибудь на нейтральной территории. Поговорить, узнать друг друга лучше. Может, я занудой вам покажусь, может, окажется, что мы разные книги читаем и нам не по пути...

Алиса Николаевна молчала. Потом вдруг заморгала часто-часто и, явно нервничая, неловкими движениями стянула с лица маску. Затем сорвала с головы белую медицинскую шапочку. Под ней оказались довольно густые и длинные волнистые волосы, правда, непонятного цвета – не светлые и не темные – какого-то серо-ржавого оттенка. Лицо у Мусатовой было невыразительное, с неровной кожей, пестренькой, точно кукушечье яйцо, носик острый, вернее даже – вострый, как говорили в старину.

Роман вспомнил лицо Мусатовой, видел же раньше... И вдруг он понял, что на самом деле она рыжая. Просто ее волосы не сияли медью, а имели тусклый и невнятный оттенок, и кожа... Она же была усыпана веснушками! И брови светлые, и ресницы. Типичная рыжая! Только масть белесая какая-то...

Алиса Николаевна Мусатова в своем натуральном, естественном виде – то есть без шапочки на голове и без маски на лице – неожиданно разочаровала Романа. Как будто он ждал чего-то большего... Она не уродина, не страшилище – нет. В чем-то даже интересная особа, но совсем не его типаж.

Докторша усмехнулась, пожала плечами. Потом потянулась к стопке бумаг на столе и достала визитную карточку, протянула ее Роману:

– Вот мой номер... Позвоните потом, ну... потом, да. Если не передумаете. А если передумаете – я не обижусь, честное слово. Может, и я передумаю встречаться с вами... Сейчас мне трудно ответить определенно. В общем, звоните, Роман Петрович. Всего доброго, здоровья. Спасибо за чудесные цветы.

– И вам спасибо. Спасибо! И вам всего доброго... – Роман попятился назад. Выскользнул из кабинета, затопал по лестнице вниз.

Он жалел о том, что заговорил с Мусатовой о возможном свидании. Она ну совсем не та женщина, с которой он хотел бы провести вторую половину своей жизни, не та... Вроде ничего так, но не та!

Дня два после того случая он проходил с неприятным ощущением, словно натворил глупостей, наговорил лишнего. А если шею опять прихватит? К Мусатовой уже не обратишься, неудобно... Получается, хорошего доктора потерял, ищи потом не пойми кого...

С другой стороны, Алиса – идеальный вариант жены. Доктор под боком! И она, определенно, не противная. Ну да, вся такая рыжая-белесая, зато, судя по всему, еще не стара. Стройная. Носик этот... В сущности, она даже чем-то на Дженнифер Энистон в ранних фильмах похожа, докторша эта... И еще она, кажется, умеет тонко чувствовать. Специально ведь шапочку сняла, волосы распустила... Дескать, смотри – ты уверен, что я тебе подхожу?

К исходу второго дня Роман сумел себя уговорить, что, возможно, сумеет привыкнуть к внешнему виду Алисы Николаевны. И вообще, союз именно с ней сулит множество плюсов... Или все же не звонить ей, не связываться вовсе? Раз уж человек сразу не понравился, зачем мучиться, заставлять себя, да и женщине неприятно станет, если он все-таки пойдет на попятный...

* * *

Когда Катаев покинул кабинет и дверь за ним закрылась, Алиса подошла к зеркалу, висящему в углу над раковиной, аккуратно подобрала волосы и снова натянула на голову шапочку – так, чтобы ни одна волосинка наружу не выбивалась. Затем надела на лицо маску... теперь только глаза видно. Ну и правильно, надо было дать Катаеву возможность разглядеть себя лучше. Что называется, показать товар лицом! – мысленно усмехнулась Алиса.

Она знала, какое впечатление порой производит на людей, привыкла уже. «Так ты рыжая, что ли?» – иногда восклицал кто-то из новых знакомых, не отягощенных деликатностью.

Да, рыжая. И Максим рыжий, только сын – *настоящий* рыжий, огненный такой. На виду весь. Сияет медно-золотым нимбом из кудрей, озаряя все вокруг... А она, Алиса, – затаившаяся рыжая, не явная, не с первого взгляда бросается в глаза ее масть... и вот удивительно, почему люди реагируют так на цвет волос? Именно на рыжий цвет... Одна пожилая дама в банке, у окошка, где счета оплачивают, прямо-таки шарахнулась от Алисы. Из серии – изыди, нечистая сила. Другие, наоборот, умилялись... Толик Карташов называл «лисой Алисой», говорил, что ее имя идеально совпадает с внешностью. Но Толик – друг с детства, почти что брат...

Впрочем, дело не в этом.

Сам факт того, что к ней сегодня подошел мужчина и пригласил на свидание, удивляет! Такого сто лет не было... Даже если Катаев не позвонит, то все равно сегодняшней день стоило запомнить надолго. Как будто чудо какое произошло, сама Вселенная услышала Алису и откликнулась.

«Я ведь никому не говорила, ни с кем своими проблемами не делилась, никогда... А тут задумалась о мужчине, о семье – и раз, мужчина объявился. И приличный, судя по всему, не какой-то бездельник. Причем довольно известный человек, как я понимаю...» – размышляла Алиса.

Но, с другой стороны, она, проработавшая в медицине уже довольно долгое время, навивавшаяся всякого, неплохо понимала людскую психологию и мотивы поведения...

Катаев из тех мужчин, кто по молодости живет весело и беззаботно, не задумываясь о собственном здоровье. До тех пор, пока не прозвонит тревожный звоночек. Либо сердце прихватит, либо сосуд прижмет, или поджелудочная о себе вдруг напомнит... И тогда сразу паника. Страх! Страх за собственную жизнь. Впервые заболевшие немедленно бросают пить, курить, есть вредное, встают на лыжи, начинают скрупулезно, по минутам, соблюдать режим дня. Мнительно-тревожно прислушиваются к собственным ощущениям.

Катаев, судя по всему, принадлежал именно к этому типу людей. И, кстати, отсюда и желание найти жену... Брак для таких – как тихая гавань, защита от всех невзгод. Жена позаботится, накормит домашней пищей, уложит вовремя, утешит. Жена – именно тот человек, кто станет опекать в старости. В случае немощи. Жена – нянька, сиделка. После бурных романов с молоденькими девицами, пережив кризис, старые мужья обычно возвращаются к прежним женам, понимая, что только те готовы и согласны за ними ухаживать. Прочие мужчины, из тех, кто еще не в браке – старые холостяки, – спешно находят себе постоянную спутницу жизни... Такова реальность, увы. Так что логику Катаева можно понять, почему он вдруг подкатил к Алисе. Ну как, свой собственный врач всегда под рукой будет иметься...

И это неплохо, кстати. Все это по-человечески понятно и чем-то даже хорошо, ведь в подобном союзе у жены появляются рычаги управления мужем. И тот живет осторожно, стараясь избегать необдуманных поступков.

Алиса покинула поликлинику в девятом часу. Было уже темно, в оранжевом свете фонарей ярко переливались снежинки... Она шла, прижимая к груди букет, – специально завернула его перед выходом в газетную бумагу, чтобы не замерз.

За углом наткнулась на Анатолия, тот стоял у своей машины – огромного черного внедорожника, окруженный толпой почитательниц.

– Анатолий Георгиевич, можно автограф?

– Пожалуйста... у меня их много!

– Анатолий Георгиевич, спасибо вам, что вы есть...

– Я есть, и я пить еще хочу! Ах, милые мои, ну сколько можно, доктор устал, доктор хочет домой.

Карташов общался с женщинами в своей обычной манере – грубовато-шутливой. Иногда, Алиса слышала, он хамил им и даже кричал. Был порой невероятно груб. Но поклонницы вопреки логике обожали его еще больше. «Вы слышали? К Карташову пришла одна тетка, а он на нее наорал – что ж ты жирная такая баба, хватит жрать!» Тетка обиделась, ушла. А потом как начало из нее все выходить... Так несло, так несло! На десять кило за месяц похудела и останавливаться не собирается, теперь на Анатолия Георгиевича, словно на святого, молится!»

– Алиса Николаевна! Садись, подвезу, – заметил Алису Анатолий. Женщины сразу замолчали, посмотрели на свою соперницу недобро.

– Толик, спасибо, я сама...

– Садись, сказал, – грозно произнес Карташов.

Алиса села в машину, тот хлопнул дверью, нажал на педаль газа.

– Достали... Блин, не знал, как отделаться. Хоть маскируйся. Жирные коровы.

– Толик, ты не прав, – устало заметила Алиса.

– Блин, но ты же нормальная, ты не жрешь в три горла, ты не весишь сто пятьдесят кило?

– Толик, это твои пациентки. Это больные. На них нельзя обижаться.

– Ты просто ангел, Мусатова, – усмехнулся Карташов. – У тебя там что? Цветы?

Алиса отогнула краешек газеты.

– Белые розы. Символ невинности и чистоты. Шикарный букет, – заметил Анатолий. – Кто подарил?

– Пациент. Тот самый, помнишь, я говорила... Толик, как ты думаешь, я могу кому-то понравиться? В смысле – мужчине?

– На комплимент нарываешься? Вообще с какими целями интересуешься?

– Я тут на днях подумала: отчего бы мне не выйти замуж? Я ведь, если честно, с ума схожу после отъезда сына. Ты был прав, я в последнее время как не в себе, места не нахожу. Чем плохо замужество по расчету? О любви и речи нет, я, наверное, разучилась любить.

– Тебе нужен не муж, а хороший психотерапевт. Приходи ко мне. Я же врач в конце концов по душевному нездоровью.

– Неудобно. Ладно, подумаю, – промямлила Алиса.

Анатолий, кажется, повеселел, и спросил уже с другой интонацией:

– Как там сын, кстати?

– Хорошо. Хотя я ужасно переживаю за него...

– Повод есть? – быстро спросил Анатолий.

– Нет. Просто он так далеко от меня...

– Хочешь все контролировать? А нет, надо уже отпустить мальчика! – деловито произнес Анатолий. – Пройдет у тебя. Я тебе как психотерапевт заявляю – правильно сделала, что отправила сына в свободное плавание. Болезненная ситуация, зато ты решила вопрос радикально, иначе бы продолжила опекать сына до старости. Я вообще предпочитаю в своей практике радикальные методы и неожиданные решения. Чего тянуть кота за хвост...

– Ты прав. Ничего страшного, напрасно я переживаю... Кстати, Игорь – мой бывший, его отец – буквально не нарадуется на сына, свекровь внука обожает. Заявили, что квартиру в Питере Макс у завещают, – призналась Алиса.

– Разве так можно? У твоего ж Игоря еще дети есть, и там проблемы, в той семье, насколько я помню...

– Я не знаю про завещание точно, но по дарственной, что ли, собираются передать. Я против. Нам с сыном ничего не надо.

– Не вам, а тебе. Тебе-то, правда, ничего не надо, а Макс у нужна компенсация, он без отца вырос, – фыркнув, возразил Анатолий.

– И Макс у ничего не надо.

– Мусатова, я от тебя дурею... – зарычал Карташов. – Сколько тараканов в твоей бестолковой головушке!

– Не кричи на меня. Все, приехали. Спасибо.

– Алиса...

– Все, пока-пока! – Алиса уже у подъезда все же обернулась, помахала рукой. Черный внедорожник сорвался с места. «Как же Толик не боится так лихачить... Хотя тут на днях рассказывал, что буквально загипнотизировал дорожного полицейского, и тот его отпустил. Сочинил, наверное!»

Дома Алиса заварила чай, отрезала кусочек сыра – больше есть не хотелось. Потом спохватилась, положила свой мобильный перед собой на стол, не звонил ли кто? Нет, не звонил. Наверное, Катаев передумал.

И на следующий день он не позвонил, и на второй тоже. На третий Алиса уже почти забыла о своем бывшем пациенте. Однако вечером, около девяти, когда она лежала на диване, читая старый зарубежный детектив, взятый из библиотеки родителей, раздалась трель мобильного, на экране высветился незнакомый номер.

– Да, слушаю.

– Алиса Николаевна... Это Катаев. Помните меня?

– Помню, – спокойно произнесла Алиса, хотя сердце ее тревожно забилося.

– Вы что завтра делаете?

– У меня выходной.

– Отлично. Давайте сходим в какое-нибудь кафе. Завтра, часа в четыре. Как вам такая идея?

– Я не против.

– Тогда я за вами заеду, да?

«Это что же, мало ему телефона, еще и адрес теперь мой хочет узнать?» – почему-то напряглась Алиса. Она не привыкла столь быстро открываться перед почти незнакомыми людьми. Опасности никакой, это же известный человек, да и кому она нужна, тоже мне роковая женщина, но...

– Давайте лучше сразу на месте встретимся, – решила она.

– Как скажете. Я чуть позже или даже завтра с утра вам эсэмэской адрес кафе сброшу, уточню его только... Столик тогда на четыре, как договорились, забронирую.

– До встречи... – пробормотала Алиса и нажала на кнопку отбоя.

Некоторое время она еще лежала с открытой книгой на коленях. Затем вскочила, уронив томик детектива, и бросилась к шифоньеру с одеждой... Распахнула дверцы и судорожно принялась перебирать вешалки. «Ничего приличного... Брюки с джинсами да рубашки... Ну а зачем мне наряды, если я все равно целый день в белом халате?! А, вот платье с прошлого корпоратива! Завотделением, помнится, похвалила...»

Но платье показалось Алисе слишком ярким, вызывающим, не для первого свидания. Она же не собирается соблазнять Катаева, не хочет показать, что этот мужчина, возможно, ее последний шанс. «Да и вообще, ничего не получится!» – с отвращением подумала Алиса и снова бухнулась на диван с книгой. «Оденусь как всегда, специально стараться не стану. Все равно я ему не понравлюсь... Толик прав – муж не решит моих проблем, мне надо мозги на место поставить...»

Она вдруг вспомнила свой первый и единственный брак, оказавшийся и удачным, и несчастным одновременно. Удачным в том смысле, что родился Рыжик, ее обожаемый мальчик. И неудачным, потому что на этом все плюсы семейной жизни и закончились.

Роды оказались сложными, тяжелыми, и сразу после них Алисе сделали операцию, в результате которой она больше не могла иметь собственных детей. Драма, да, но ведь не трагедия? Один ребенок есть, и слава богу... Но дело в том, что Игорь был нацелен на большую семью. Он хотел двоих, троих, а то и больше детей. Он, шумный, веселый и энергичный, был полон душевных и физических сил. Человек-электромашина. Масса друзей, громадьё планов, широкая душа, безудержная любовь к жизни...

В голове Игоря, приверженца старинных традиций, рисовалась некая идеальная картина: большая семья, во главе которой стоял он – мужик и хозяин. Он строит, пашет и кормит, а рядом хлопочет по хозяйству милая женушка, и бегают много славных малышей вокруг. Так он, Игорь Мусатов, завоевывает окружающий мир – и делами, и своим семенем. Так он расширяет свои владения.

А операция, которую врачи были вынуждены сделать Алисе, перечеркивала все планы Игоря. К тому же, как оказалось, Алиса не подходила на роль милой и хлебосольной женушки. Она интроверт по складу характера, внешне спокойная и закрытая, всегда стремилась держать с окружающими некую дистанцию. К тому же беспокойство за сына (а Алиса паниковала по любому пустяку: из-за обычной простуды, из-за режущихся зубов) делало ее в глазах мужа скучной, тревожной, неинтересной... Будь на его месте какой-то другой мужчина, с иным складом характера, возможно, и обошлось бы, выровнялась бы семейная жизнь и были бы все счастливы. Но нет. Игорь взбунтовался. Как? Разве он не хозяин собственной судьбы? Неужели с этим надо смириться? Да ни за что!

Когда Максиму исполнился год, Игорь ушел из семьи. Так и сказал на прощанье: «Я хочу стать счастливым и стану им. У меня одна жизнь!»

Это было самое тяжелое для Алисы время. Она училась в медицинском, ей пришлось на год взять академический отпуск, чтобы сидеть с маленьким сыном. Потом пошла доучиваться – мама настояла. Мама помогала с Максом, уволилась с работы, чтобы сидеть с внуком. Отец уже болел сильно, за ним тоже нужен был уход. Игорь пытался помогать, приносил деньги, иногда гулял с сыном... Но Макс, чахлый и болезненный в детстве мальчик, никак не подходил на роль сына Настоящего Мужика. Макс признавал только Алису, учиться играть в футбол не желал и часто ревел, словно девчонка...

Игорь пилил Алису за то, что она неправильно воспитывает сына, Алиса тихо ненавидела Игоря за то, что тот, по ее мнению, недостаточно любит Макса и иногда кричит на него. Сама

Алиса не только не повышала голос на своего мальчика, но, кажется, ни разу не шлепнула его, даже в сердцах...

Алиса закончила обучение в медицинском, отец умер, мама тоже хворала, Макс не вылезал из простуд. Спорить и ссориться с приходящим по выходным Игорем стало настолько невыносимо, что однажды Алиса как-то сорвалась и полностью изгнала бывшего мужа из своей жизни. Хочет с сыном встречаться – пожалуйста, но только на нейтральной территории, вдали от Алисы...

А Игорь взял да и уехал вовсе из Москвы, в Питер, к родителям. Там открыл свое собственное дело – рекламное агентство и встретил Людмилу. Милу, как ее называл Игорь. Такую же шумную, веселую, сильную, пышущую энергией, как и он сам. Очень здоровую девушку (о чем настойчиво упоминал в редких телефонных разговорах с Алисой).

Когда Максу исполнилось лет девять, Мила родила первого ребенка. Еще через год – второго. Все беременности у Милы протекали идеально, без токсикозов и осложнений, роды были наилегчайшими, без криков, боли и разрывов; грудного молока – хоть отбавляй (и никаких маститов причем!). Сами детки – мальчики Борис и Глеб – отличались крупными размерами и не менее богатырским здоровьем.

Похоже было, что начала сбываться мечта Игоря о настоящей семье.

Чувствовала ли Алиса боль после общения с Игорем и своей бывшей свекровью?.. Да уж, неприятный осадок точно оставался. По всему выходило, что сама Алиса исключительно неудачная, проблемная женщина, которая даже родить толком не смогла, мужа рядом не удержала. Конечно, никто напрямую Алисе подобного не говорил, но ликующие нотки в голосе свекрови и особенно интонации Игоря намекали на это.

Бывший муж был откровенно счастлив. Он получил то, что хотел, ту самую настоящую семью, о которой мечтал. Насколько знала Алиса, Игорь и зарабатывал вполне прилично. Такой вывод она сделала, судя по суммам, что он стал пересылать Алисе (на алименты она не подавала). Тем не менее сыну Игорь звонить перестал. Потом и Алисе. От него они получали только деньги, и все.

Примерно через год вдруг раздался звонок от Эммы Станиславовны. Вела она себя как-то странно: плакала, бессвязно требовала, чтобы Алиса как медик разъяснила ей что-то... Алиса ничего не поняла, да и свекровь вдруг прервала разговор.

После этого случая Игорь стал посылать меньше денег. Прямо минимум... А спустя еще несколько месяцев он позвонил пьяным, почти невменяемым. Чего хотел – непонятно, о сыне так и не спросил.

Разъяснилось все позже. Эмма Станиславовна написала Алисе письмо, по старинке – ручкой на бумаге, и отправила почтой. В письме свекровь сообщала, что в их семье случилась страшная беда. У обоих детей Милы и Игоря нашли тяжелое психическое заболевание. Да, тот самый диагноз, что столь распространен в наши дни, когда два ребенка из ста рождаются с ним. Диагноз этот нельзя предугадать или вычислить заранее с помощью тестов. Он определяется, лишь когда ребенку исполняется год, два или даже больше... И бывает разной степени тяжести. Иногда ребенок испытывает лишь небольшие затруднения в общении с окружающими, а порой и вовсе не контактирует с людьми.

У Бориса и Глеба оказался тот самый тяжелый случай... Когда Борису исполнилось два года, врачи нашли серьезные отклонения в его развитии. А потом то же самое – у Глеба.

Игорь и Мила до последнего надеялись, что с младшим сыном все обойдется, снаряд дважды в одну воронку не упадет! Но нет, не обошлось. Они стали замечать у Глеба те же признаки расстройства, что и у Бориса. Чудовищное, невероятное совпадение, которого не должно было быть.

Почему эти два случая на сотню пришлось сразу на одну семью?!

Большая часть денег, зарабатываемых Игорем, теперь шла на лечение деток, на их развитие. Да, детская медицина по-прежнему оставалась бесплатной, но родителям-то хотелось большего, лучшего!

Эмма Станиславовна спрашивала теперь совета у Алисы... Что делать? Где и как спасти малышей, каким специалистам еще их надо показать?

Алиса, помнится, сидела над этими исписанными мелким почерком листами, с рассыпанными повсюду восклицательными и вопросительными знаками, а внутри у нее все холодело от ужаса. Она в одно мгновение простила Игорю все. Досада, раздражение исчезли в один миг.

Алиса поняла, что на самом деле она счастливая женщина, и пусть в ее жизни случались лишь неприятности и недоразумения, происходили и печальные потери, хотя вполне закономерные, свойственные естественному ходу жизни, но зато не было одного – настоящего горя. Горя, с которым боролись теперь Игорь и Мила.

Алисины знания о том недуге, которым страдали Борис и Глеб, были весьма поверхностны: она окончила вуз по другой специальности. Поэтому Алиса посоветовалась с коллегами, которые имели отношение к данному вопросу, к кому лучше обратиться в Питере с этой проблемой, к какому специалисту.

Алиса написала Эмме Станиславовне ответное письмо, в котором указала адрес хорошей клиники и имя профессора...

Через месяц Алисе на городской телефон неожиданно позвонила Мила. Кричала, чуть не материлась: «Сука, кого ж ты нам присоветовала, этот профессор может только деньги драть, толку от него никакого, да ты просто вредительница! Ты меня ненавидишь за то, что Игорь ко мне ушел! Это ты, ты, бледная немочь, меня сглазила, прокляла, из-за тебя мои дети такими родились!»

Алиса молча положила трубку.

Сначала распереживалась, услышав обвинения, потом успокоилась. Злости на Милу никакой не было. Несчастная женщина, ей трудно. Ищет выход, а выхода нет. Ищет, кого бы обвинить в своих несчастьях... Ну, пусть думает на Алису, если ей так легче.

И вообще лучше не вмешиваться в дела чужой семьи. Пусть сами разбираются. Она, Алиса, не обязана помогать. Все равно врагом станет, если чуть что не так пойдет. Вот как в случае с этим профессором.

Возможно, его лечение не помогло или не сразу дает результаты. Бывает же, что один метод некоторым пациентам помогает, а другим нет. Да оно и понятно: когда столько страждущих, ждущих излечения, непременно появляется тот, кто обещает всех исцелить и берет за свои обещания немалые деньги... И как разобраться в том, кому доверять, а кому нет?

Тем временем в стране грянул кризис. Пришлось затянуть пояса... Многие профессии остались востребованы, а вот рекламный бизнес потерпел крах. Ведь кого сокращают в первую очередь? От чьих услуг отказываются, пытаюсь оптимизировать скудный бюджет? Страдают рекламщики.

Игорь стал банкротом, потерял свою фирму. Все его многочисленные друзья-приятели куда-то исчезли. Причем они начали исчезать еще в то время, когда обнаружились проблемы с детьми Игоря. Предательство? Да. Только вот и этих людей можно понять – не у всех есть желание находиться столь близко к чужому несчастью и постоянно слышать о докторях, диагнозах, методиках лечения... Ведь ни о чем другом Игорь говорить не мог. После того как Игорь разорился, исчезли и последние друзья. Кто-то из них даже заявил на прощание, что нельзя общаться с несчастным человеком, потому что можно заразиться его бедами...

В результате этих потерь Игорь сначала запил, потом вдрызг разругался с Милой. Ушел от нее к матери. Пытался звонить Алисе, жаловаться на жизнь, но Алиса поставила на телефон определитель и не снимала трубку, когда звонил бывший муж. И Макса просила с отцом не общаться. Впрочем, Игорь и не рвался разговаривать с сыном, он словно забыл про него.

Та семья, что в Питере, пусть и не чужие, пусть и очень несчастные люди, но они, словно бездонная черная воронка, втягивали в себя энергию со стороны. Помочь им было невозможно. Посочувствовать? Алиса и так сочувствовала, но страдать за этих людей больше того, чем ей позволяли ее собственные силы, она не могла. Да и чем ее сочувствие, ее слезы и переживания помогли бы Игорю с Милой...

Игорь появился в ее доме спустя много лет в качестве гостя. Остановился у старых знакомых, те попросили Алису принять бывшего мужа. Пусть приходит, решила она. Игоря теперь было не узнать – он похудел, весьма заметно поседел. А главное, у него изменился характер, темперамент. Хотя, говорят, эти вещи остаются неизменными до конца жизни. Игорь больше не был человеком-электромашинкой. Он, когда-то громкий, шумный и энергичный, говорил теперь тихо, руками не размахивал, не был столь эмоционален. Зато искренне поразился, когда увидел сына.

Максим учился в выпускном классе. Мальчишка превратился в довольно высокого, сильного юношу, хотя временами и был неуклюж, словно верблюжонок. Максима нельзя было назвать красавцем, однако некоторые, глядя на его довольно симпатичное лицо, считали Макса смазливым. В общем, что называется, *видный* молодой человек. Умный, начитанный, ироничный. Спокойный и доброжелательный. Вежливый. Совсем не истеричный (а это тоже иногда свойственно юным). Здоровый. Крепкий. Все его многочисленные простуды, сопли, нытье остались в далеком детстве, Макс перерос их.

Игорь был просто сражен, когда увидел своего сына. Нет, до того, кажется, Алиса посылала ему фотографии Макса, но это было довольно давно. Тут же Игорь увидел сына наяву и оказался поражен тем, насколько тот повзрослел. Похоже, Игорь наконец *осознал*, что у него есть наследник. И испытал нечто вроде катарсиса. Оказывается, не все потеряно, не все так ужасно в этой жизни. Есть смысл, есть надежда, есть чудо. И это чудо носит имя Максим.

У Игоря как будто в голове что-то перевернулось, по впечатлениям Алисы, наблюдавшей за бывшим мужем со стороны. И он в первый раз за все эти годы извинился. Сказал, что очень жалеет о том, что когда-то ушел от нее. Жизнь наказала его, и самым жестоким образом. Он мог бы быть счастлив, но сам, собственными руками все разрушил. Да и вообще, как глупо, оказывается, строить планов громадьи – судьба всегда смеется над теми, кто загадывает заранее. Да, Игорь хотел завести много детей. Но нельзя отказываться от подарков судьбы, а подарком в данном случае являлся Максим.

Словом, с годами Игорь превратился в пугливого фаталиста. И решил загладить свою вину перед сыном. Тогда-то и родился его план – переманить Макса к себе, в Питер, отдать ему все, что имеет, дабы не злить судьбу и дальше. Игорь решил посвятить всю свою оставшуюся жизнь только Рыжику.

* * *

Алиса появилась в кофейне в шестнадцать ноль пять. К ней сразу подошла девушка – администратор заведения, и Алиса нервно огляделась, почти сразу же заметив за одним из столиков Романа. Махнула в его сторону перчатками.

«Чего она так переживает?» – недовольно подумал Роман.

Он до последнего момента сомневался в правильности своего решения, но потом успокоился – будь что будет...

Роман встал навстречу подошедшей Алисе, поздоровался, помог ей снять пальто – тяжелое, колючее, с отороченным мехом капюшоном. Без верхней одежды Мусатова выглядела лучше – тоненькая, в обтягивающей темно-вишневой водолазке, узких темных джинсах, заправленных в высокие сапоги... Но все равно вид у нее был будничным и скучным. Волосы

женщины были собраны в высокий хвост. На лице – ни грамма косметики, лишь губы тронуты гигиенической помадой.

– Сколько здесь людей, все столики заняты... – огляделась Алиса, садясь напротив Романа. Уткнулась острым носиком в меню.

– Считается, что это модное кафе... Хотя ничего особенного, – лениво заметил Роман. – Но надо признать, что именно кофе здесь хороший. И выпечка в основном вкусная.

– Я, наверное, закажу себе горячий шоколад... – Она ткнула в меню пальцем с почти под корень остриженным ногтем без следов лака.

– Горячий шоколад здесь – это небольшая чашечка грамм на пятьдесят, в которой подают густое нечто, по консистенции напоминающее растопленную плитку обычного хорошего шоколада. К нему дадут стакан воды. Но по мне это ужасно – запивать горячий шоколад холодной водой. Он на языке, да и в горле схватывается и словно в замазку превращается.

– Куда же вы меня пригласили... – нервно засмеялась женщина. – Ладно, кофе так кофе! Хочу большую-большую кружку, с молочной пенкой. А как насчет штруделя?

– Штрудель здесь прекрасный, – кивнул Роман. В этот момент к ним подошла официантка, и он продиктовал заказ.

Алиса огляделась:

– Красиво. Подготовились к Новому году – все сияет и переливается.

Она вдруг замолчала и пристально уставилась на Романа. И, кажется, больше уже не смущалась. А он, наоборот, испытал неловкость и страх. Потом все-таки заставил себя произнести:

– Я никогда не был женат.

– А я была замужем, года два, давно. Послушайте, давайте сразу о самом главном, чтобы времени не терять, – дружелюбно предложила Мусатова. – Вы детей хотите? Если да, то тогда это не ко мне. У меня не может быть детей. Стопроцентная гарантия.

– Да я и не собирался становиться отцом... – с облегчением вздохнул Роман. – Наоборот, я как раз искал одинокую бездетную женщину, это для меня идеальный вариант. Ну куда мне в сорок четыре, на пятом десятке – в отцы? Я опоздал. Да и не хочу, если честно...

– Минутку! – подняла палец Мусатова. – Видимо, вы не в курсе, Роман Петрович. Я не бездетная и не одинокая. У меня есть сын. Ему восемнадцать, он сейчас живет в Питере, у своего отца, учится там в институте. И да, вот еще что... Больше всего на свете я люблю своего сына и никогда не сделаю того, что пойдет вразрез с его интересами. Это вас не пугает?

Роман задумался. Потом усмехнулся:

– Нет, не пугает. Это нормально... Меня устраивает. Вот от женщин, которые ради штанов готовы на все что угодно, я держусь подальше... Как и от старых дев, кстати. Так что мне ваша прямота очень по душе, Алиса Николаевна.

Она вдруг улыбнулась, вернее, почти оскалилась, показав острые ровные зубки. «И страшенькая, и симпатичная одновременно – пришла Роману в голову странная мысль. – А с этим хвостом на затылке похожа на лису».

Официантка принесла заказ.

Отхлебнув кофе, Роман продолжил:

– Мне хотелось бы, чтобы мы с моей будущей женой жили у меня. Все расходы на мне.

– От работы своей я не откажусь.

– Вот как?

– Да. Я работаю с восьми до двух, и с двух до восьми. Иногда, бывает, и по субботам, но тоже не долго.

Роман задумался. В идеале он хотел, чтобы жена всегда присутствовала в доме, неприютная и неслышная, пока он работает у себя в студии. Но тот график, что озвучила Алиса, не показался Роману слишком неудобным. Да и дуреют люди, сидя в четырех стенах... Пожалуй, только какая-нибудь бездельница согласилась бы сидеть все время дома...

– В принципе меня и это устраивает, – был вынужден признать Роман. – Не хочется заставлять женщину готовить, хотя, если честно, я был бы рад домашней пище. Сами же мне рекомендовали!

– Я могу готовить. И даже люблю. Так что я не против! В конце концов, мне хочется за кем-то поухаживать, – мрачно призналась Мусатова. – Ведь после отъезда сына я осталась совсем одна... Мне нужен кто-то, о ком я могла бы позаботиться. Но рубашки гладить не стану!

– А мне не нужны глаженные рубашки, я в офис не хожу. И потом, давайте сразу обсудим все матримониальные вопросы... Если мы собираемся официально пожениться, то... вопросы наследства встанут, не так ли? Мы не вечны, вдруг кто-то из нас померет... Вот видите, о смерти стал думать... Вы, наверное, хотите, чтобы все ваше имущество досталось вашему сыну, я же хочу все свои накопления передать своей родной сестре и племяннику.

– Да, как я не подумала... У меня накоплений особых нет, но квартира... Она должна принадлежать только Максусу! Максим – это мой сын.

– Ну вот видите, как мы похоже мыслим! – обрадовался Роман. – Все эти вопросы мы должны решить до брака, чтобы потом не было никаких неожиданностей и случайностей.

– Отлично! – энергично кивнув, тряхнула своим хвостом Мусатова. – Но можно поступить проще и не заключать официальный брак. Жить в гражданском.

– Да, пожалуй. И вообще не будем торопиться, приглядимся друг к другу. Говорят, иногда люди не могут сойтись лишь на том основании, что один из них жаворонок, а другой – сова.

Мусатова слушала Романа с блестящими глазами и снова одобрительно кивнула. Потом достала кошелек, из него – фото ярко-рыжего юноши:

– Это Максим, мой сын. Никому его не показываю и в социальных сетях не выставляю...

– Ого! Вот он – настоящий рыжий, – засмеялся Роман. Он растрогался – понял, что сейчас ему оказывают доверие. – Замечательный сын. А у вас, Алиса Николаевна, только намек на рыжину... Знаете, мне кажется, вам бы очень пошел именно этот яркий оттенок... Ну, мне так кажется, – спохватившись, добавил он.

Мусатова, похоже, смутилась и пожала плечами.

Остаток вечера они болтали непринужденно, уже о каких-то отвлеченных вещах – кино, погоде...

Давно стемнело. Расставаясь около шести вечера, они встали рядом с кофейней.

– Созвонимся еще. Вас проводить, Алиса Николаевна?

– Нет-нет, ни к чему! – замахала руками та и исчезла за пеленой снегопада.

Роман вернулся к себе домой в странном, неопределенном состоянии. С одной стороны, все вроде бы складывалось более-менее удачно. Алиса, если можно так выразиться, подходила по многим параметрам. Но с другой стороны – это же все бред. Бред, бред, бред!

Зачем он это затеял... всю жизнь жил один, и тут здрасте – точно петух ему куда клюнул. Приспичило! Старости и болезней испугался... Да до них, настоящих тяжелых возрастных изменений, еще плыть и плыть по течению жизни!

Уснул Роман с твердым решением, что ни с кем связываться не станет. А среди ночи вдруг проснулся весь в поту, с колотящимся от ужаса сердцем. Он один! Темнота давила на него. В тишине отчетливо слышался бешеный стук сердца. Может быть, вызвать «Скорую»?

«Это просто паническая атака... – попытался Роман воззвать к своему разуму. – Ничего страшного не происходит!» Он лежал так без сна часа два, потом все же уснул.

Проснулся разбитый, вялый, работать не смог – просто валялся перед телевизором. Схватился за телефон:

– Алиса Николаевна? А давайте в кино сходим, что ли?

На заднем фоне что-то гудело и жужжало, раздавались чьи-то голоса. Мусатова явно находилась вне дома.

– Если только завтра, Роман Петрович. Я до двух работаю, а потом совершенно свободна.

– Ладно, завтра так завтра, – вздохнув, был вынужден согласиться Роман.

Они встретились в понедельник, снова около четырех, на площадке возле большого торгового центра, в котором располагался кинотеатр.

Мусатова оказалась на месте чуть раньше, она с задумчивым видом бродила в сиренево-синих сумерках вокруг большой елки, украшенной светящимися гирляндами и шарами.

– Извините, я опоздал...

– Ничего, это я пришла раньше. Хожу тут, люблюсь. У вас есть новогоднее настроение? – вдруг спросила она.

– Что? Да вроде... даже не думал! – засмеялся Роман и, глядя на счастливое востроносое личико Мусатовой – та, задрав голову, разглядывала елку, – почувствовал нечто похожее на радость. Или он этой женщине так обрадовался?..

Вошли в торговый центр сквозь крутящиеся двери. Мусатова откинула капюшон назад, и Роман ахнул. Ее волосы... Они были насыщенного медно-красного цвета!

Настоящие *рыжие* волосы.

– Я вас не узнаю... Вы ли это? – Роман, не владея собой, довольно бесцеремонно развернул женщину к себе.

– Это я. Сходила вчера в парикмахерскую. Сама не решилась, не умею... А там меня покрасили и укладку сделали. Не то? – с тревогой спросила она.

– То, очень даже то! – засмеялся он. – Вы словно услышали мои мысли. Я вот прямо такой и видел вас на самом деле...

Роман купил билеты заранее, по Интернету. Было довольно тепло. Он скинул с себя куртку, а Мусатова – свое колючее пальто. И оказалась в темно-зеленом узком платье. «Вот так красавица!» – мысленно ахнул Роман, молча прижав к себе ее пальто.

В темном кинозале тоже сидели молча, ни разу не повернувшись друг к другу. На широком экране мелькали кадры боевика – довольно проходной фильм... Не самый подходящий для совместного просмотра, но и не самый худший.

После сеанса Роман пригласил Алису в ближайшее кафе, вернее, ресторанчик с японской кухней – он находился рядом, на той же линии торгового центра.

Первые несколько минут они сидели притихшие, лишь перебрасывались короткими фразами – что заказать. На Мусатову поглядывали другие посетители, и она это чувствовала, явно смущаясь. Пусть она и не превратилась в красавицу, но с новым цветом волос стала очень яркой, эффектной женщиной.

– Вам не по себе, да? – спросил Роман.

– Да, – быстро, даже не раздумывая, ответила она. – Как будто я не я. Что я делаю – с собой, со своей жизнью?

– Пока ничего плохого. Вы были такой веселой в первые минуты нашей встречи сегодня... А сейчас потухли.

– Мне кажется, я слишком тороплюсь и слишком стараюсь, а это неправильно, – неожиданно строго, «медицинским» голосом произнесла она.

– Ерунда какая. Наоборот, я очень оценил ваше отношение ко мне, к нашим планам... Я вас понял – вы боитесь быть красивой, боитесь быть в центре внимания.

– Да, все так.

– Но это же неправильно, – с раздражением произнес Роман. – И потом, вы сейчас не с окружающими, а со мной. Меня все в вас устраивает, я всем доволен. Вы, оказывается, ко всем своим прочим достоинствам еще и очень эффектная женщина, о таком я даже мечтать не мог, особо не загадывал в поисках своей будущей половинки. И если кто и должен сейчас трепетать и бояться, то это я. Я боюсь.

– Боитесь? Меня? – Мусатова широко отрыла глаза.

– Не вас. А того, что я вам не понравлюсь. Скажите мне теперь, что я должен сделать, чтобы соответствовать *вашим* ожиданиям, Алиса Николаевна?

Она замолчала, задумалась. Долго смотрела на Романа. Потом изрекла:

– Не знаю. Ничего в голову не приходит, – и вдруг засмеялась. – А расскажите немного о себе, Роман Петрович. Что за профессия у вас такая интересная?

– А давайте для начала перейдем на «ты»? И по имени...

– Давайте, – легко согласилась Мусатова, и тут же, словно желая обновить это обращение, повторила свой вопрос: – Роман, расскажи о себе.

– Итак. Кто я... Я – диктор, актер озвучания.

– Актер? – подняла она брови.

– Да, это одна из разновидностей актерского ремесла.

– И чем ты отличаешься от обычных людей?

– Голосом! – торжественно произнес Роман. – Я уже лет двадцать пять дубляжом занимаюсь... Раньше еще вел телепрограммы, телешоу... В рекламе мой голос звучит. Еще озвучиваю компьютерные игры. Недавно прикинул, что за всю свою карьеру озвучил почти тысячу рекламных роликов. Чуть меньше занимался озвучкой художественного кино, аудиокнигами занимаюсь. Ко мне может обратиться любой – и мой голос может прозвучать в поздравлении... Недешево, конечно. Голосов много, и они все по-разному стоят. Мой голос – дорогой.

– Интересно...

– Что еще о себе рассказать? У меня есть сестра, родная – Наталья, есть племянник. У меня также много друзей. Музыканты, актеры, каскадеры... Режиссеры.

– Ого. Если мы станем жить с тобой, мне придется с ними общаться? – деловито спросила Мусатова. Вернее, *Алиса*.

С той минуты, как они перешли на более доверительное общение, Роман стал воспринимать эту женщину иначе. Она – Алиса. Не Алиса Николаевна и не Мусатова. Он словно перестал видеть в ней доктора, некое официальное лицо, что ли... Она – Алиса. И у нее красивое имя, кстати...

– Да, наверное. С сестрой-то уж точно придется. С друзьями? Мы время от времени общаемся компанией... Но я не стану тебя напрягать, если тебе это будет неприятно. То есть постараюсь избегать ситуаций, когда ко мне без приглашения вваливается орава гостей, а их всех еще нужно угощать и подносить им...

– А я ничего плохого в этом не вижу, – усмехнулась Алиса. – Гости – это же здорово. Ко мне никогда никто не вваливался толпой. Гости – это праздник. Ну, не слишком часто, конечно... Но я ничего плохого в этом не вижу. Если я заболею или усталая буду – я тебе скажу, сам уж разбирайся со своими гостями. Ну, а если мне утром рано вставать, то я уйду в другую комнату, спать лягу. Ты ведь поймешь меня? – тревожно спросила она. – Ты знаешь, меня не пугают все эти экстремальные ситуации в семейном быту. Меня настораживает другое – когда люди не умеют договариваться. Если уж они не умеют, то начинают истерить из-за любого пустяка, им все мешает и все раздражает...

– Ты очень правильно рассуждаешь. Пожалуй, соглашусь с тобой, – одобрительно произнес Роман. – А у тебя есть друзья?

– Есть, но... в основном приятельницы. И у них у всех семьи. В данный период времени им не до меня. А, у меня есть еще приятель, друг детства. Мужчина. Ты не станешь к нему ревновать? Это Анатолий Карташов.

– Минутку... Тот самый? Гипнотизер?

– Да! Он у нас в поликлинике работает... Психотерапевтом.

– Я не ревнивый. Последнее дело – указывать своему партнеру, с кем ему водиться, а с кем нет... И я, пожалуй, за откровенность. Послушай, Алиса! – Роман взял ее за руку.

– Что? – Скулы у нее сразу вспыхнули.

– Мы, кажется, сумеем договориться с тобой.

Она не отнимала своей руки, а он не отпускал. Так и сидели, и чем дальше, тем сильнее смущалась Алиса. Теперь ее щеки всю пылали. В этом было что-то милое. Соблазнительное. Трогательное.

– Всего ничего до Нового года осталось, – медленно продолжил Роман. – И у меня к тебе предложение. Давай проведем новогоднюю ночь вместе. Отпразднуем, так сказать...

– С твоей родней? Или в компании твоих друзей? – осторожно спросила Алиса.

– Нет. Вдвоем. Только ты и я.

Она молчала. Румянец на ее щеках приобрел малиновый оттенок. А потом – раз, и Алиса вновь начала постепенно бледнеть, успокаиваться.

– Ты считаешь, рано? – серьезно спросил Роман.

– Нет. Вернее, рановато, но... А чего тянуть? – мрачно усмехнулась Алиса. Отняла свою руку. – Хочу понять все и сразу. Да и глупо в нашем возрасте разыгрывать из себя кого-то... Я женщина, но совсем не страдаю романтическими бреднями.

Ее ответ совсем не понравился Роману. Да, конечно, с самого начала в их начинающем складываться союзе не было и намека на романтизм. Это не любовь, а договор двух взрослых, не самых молодых уже людей, стремящихся сделать свою жизнь *удобнее*. Она одинока, и ей грустно, особенно после отъезда сына, а он боится старости и болезней.

Или... или он не нравится Алисе как мужчина? Понятно же, что раз они останутся вдвоем, то лягут в одну постель. В сущности, предлагая Алисе провести вместе новогоднюю ночь, Роман предложил Алисе близость. И женщина согласилась без особой радости, мол: «А чего тянуть?» Роман решил, что не нравится ей, неприятен чисто физически. Алиса же, наоборот, чем дальше, тем сильнее привлекала Романа.

Можно совпадать во взглядах на жизнь, согласно решать финансовые вопросы, иметь общие вкусы в отношении искусства, дружно решать бытовые проблемы, но... если один из партнеров физически не привлекает другого – все, можно ставить крест на этих отношениях.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – тихо спросил Роман.

– Мне кажется, это я тебе не нравлюсь, – опять нахмурилась она.

– А давай не будем заранее делать поспешных выводов?

– Хорошо, – покорно ответила Алиса. – Давай тогда обговорим детали. Первый вопрос – где?

– Можно у меня. Или, если ты сильно против, у тебя. Кстати, у меня довольно-таки просторно – сто пятьдесят квадратных метров.

– Сколько?! Ух ты. Не чета моей стандартной двушке, – улыбнулась Алиса. – А елка у тебя будет?

– Будет, – решительно произнес Роман и тут же прикинул: завтра сбегает на елочный базар, потом за игрушками... А нарядить елку можно накануне, вечером. Вдвоем! Вроде как совместное развлечение получится. – Я могу еще салатов в ресторане заказать. Шампанское запас, это у меня имеется. И вообще алкоголя много...

– Никаких ресторанов, – строгим, все тем же «медицинским» голосом возразила Алиса. – Салаты я сделаю сама. Какие принести?

– Оливье, винегрет, – подумав, изрек Роман. – Классика!

– И селедку под шубой, – строго добавила она.

– Да я и не мог мечтать о таком счастье! – с комичной интонацией воскликнул Роман. Алиса рассмеялась.

Все-таки она слишком разволновалась, поняв, что в ближайшее время ей придется остаться наедине с Романом. Ей приятнее было обсуждать салаты, елку, но думать о том, что ей предстоит близость с мужчиной, Алиса явно не хотела.

В тот вечер Роман настоял на том, что проводит Алису до дома. Отправились на такси – оказалось, что Алиса живет неподалеку от поликлиники, в которой работает, а это не так далеко от жилища Романа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.